

ВАСИЛИЙ *Grandmaster* ГОЛОВАЧЕВ

Бой не вечен!

Катарсис

Василий Головачев

Бой не вечен

«ЭКСМО»

1999

Головачев В. В.

Бой не вечен / В. В. Головачев — «Эксмо», 1999 — (Катарсис)

Проект массового зомбирования населения России и превращения ее территории в пространство черного эгрегора близок к завершению. Если не изменить тактику борьбы, основанную на уважении традиций и ненасильственном сопротивлении, то Волхвам не удастся спасти Русь и удержать мировое равновесие между добром и злом. Полковник Егор Крутов – Витязь, владеющий древнеславянским искусством боя, находит выход из, казалось бы, неразрешимой ситуации. Однако платить за это ему приходится по самой высокой цене.

© Головачев В. В., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

Сергиев Посад	5
Жуковка	11
Нижний Новгород	20
Переславль-Залесский	29
Жуковка	36
Нижний Новгород	46
Переславль-Залесский	54
Москва	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Василий Головачев

Бой не вечен

Виталию Сундакову посвящается, свидетелю и участнику многих событий, описанных в этой и других книгах и происходивших в реальности.

*Пойми великое предназначенье
Славянством затаенного огня:
В нем брезжит солнце завтрашнего
дня!*

Максимилиан Волошин

Сергиев Посад

ВОЛХВЫ

В 2002 году расположенный в семидесяти километрах от Москвы Сергиев Посад отметил свое двухсотдвадцатилетие. Однако первое поселение на месте города возникло еще в середине XIV века, когда, как гласит летописная легенда, братья Стефан и Варфоломей, принявший имя Сергия после пострижения в монахи, поставили на холме Маковец, у слияния рек Вондюга и Кочура, небольшой скит.

Через десять лет на этом месте был построен первый деревянный Троицкий монастырь, который быстро вырос и начал играть важную роль в жизни Древней Руси. Основатель монастыря и его первый игумен Сергей Радонежский был сторонником московских князей в их стремлении объединить русские княжества в единое государство во главе с Москвой и всячески им помогал, что отражалось и на известности монастыря. Именно в нем великий князь московский Дмитрий, прозванный впоследствии Донским, получил (по официальной версии истории) напутствие Сергия на битву с монголо-татарами, а победа на Куликовом поле (оставим в стороне настоящие координаты сражения) еще более способствовала авторитету монастыря. Вокруг него начали возводиться поселения и ремесленные слободы, которые прославились серебряных дел мастерами, резчиками по дереву, иконописцами и столярами.

Разросшийся Троице-Сергиев монастырь, обнесенный стенами, указом императрицы Елизаветы Петровны в 1744 году получил титул лавры, а в 1782 году по указу Екатерины II подмонастырские слободы объявлены городом – Сергиевым Посадом.

Однако лишь волхвы, хранители *истинной* истории Руси, знали, что на месте Сергиева Посада, точнее – Троицкого собора, в пси-экологически чистой зоне, еще три тысячи лет назад стояла церковь Трояна, а до нее – молельная часовня Свентовида-Белобога.

Монументальный пятиглавый Успенский собор лавры был заложен в 1559 году, по образцу одноименного собора Московского Кремля, но строительство его закончилось лишь через тридцать лет, в 1585 году, несколько раз он переделывался и достраивался, пока не приобрел свой неповторимый облик. К его реконструкции приложили руку и волхвы, окружив тонкую структуру храма ментальным *свечением*, не пробиваемым никакими магическими приемами. Они же внедрили в жизнь и план постройки ограда Троице-Сергиевой лавры, формирующей общее, не столько физическое, сколько духовное защитное поле обители.

Вначале ограда, как и все сооружения монастыря, была деревянной – простой тын, затем появилась рубленая из бревен стена. В 1408 году монастырь был сожжен, через три года вновь отстроен, однако лишь в 1513 году у деревянных стен поставили первые каменные ворота с

надвратной церковью, а еще через тридцать с лишним лет все деревянные стены заменили каменными по образцу московского Китай-города.

При строительстве в основании стен и башен укладывали целые глыбы известняка, на них – большие плиты. Внизу стрельниц устраивались проходы, погреба, «вылази» и «слухи», в толщу стен заделывали аркады мощных «печур» с настилом, по которому шла вторая аркада, поддерживающая пушечные ряды. Стены лавры сориентировали неправильным четырехугольником длиной по периметру более тысячи ста метров, высотой от семи до пятнадцати и толщиной от трех до десяти метров. Таким образом, это сложнейшее сооружение с одиннадцатью башнями представляло собой особым образом организованное ментально-физическое пространство, защищавшее внутреннюю зону лавры, не доступную темным силам.

Волхв Сергей, иерофант Предиктора, с виду – молодой человек, юноша, невысокого роста, тонкий и хрупкий, но с мудрыми глазами ясновидца, в которых светилось величавое спокойствие, появился на территории лавры незаметно, прямо у стен Духовской церкви, возведенной еще в 1476 году, – первого кирпичного сооружения монастыря. Точнее, появление волхва не заметил ни один посетитель лавры, а также монахи, занимавшиеся повседневными делами. Но человек, в канун нового года вызвавший Сергия, *знал*, что он уже прибыл, и вышел к церкви спустя минуту после *проявления* молодого волхва. Этим человеком был архимандрит лавры отец Савватий.

Они встретились на четвертом ярусе (столпе) церкви, под маковкой, где когда-то висел «вспокошный» колокол: Духовская церковь представляла собой редкий своеобразный памятник древнерусского зодчества, соединивший в себе одновременно храм и звонницу.

Оба могли общаться бесконтактно, телепатически, но предпочитали физические встречи и общение в звуковом диапазоне, тем более что местная пси-защита лавры позволяла это делать без опасения быть подслушанными.

Снаружи шел редкий снежок, но тучи вот-вот должны были разойтись, судя по светлеющему небосводу. Пятнадцатиградусный морозец пощипывал щеки и уши, но был вполне терпим, волхвы могли выдержать и вчетверо более жгучий холод.

– Здрав будь, отец, – поклонился Сергей, одетый в обычный дорожный костюм, который был распространен среди молодежи: зимняя куртка с капюшоном, который Сергей всегда носил откинутым, джинсы, ботинки.

– Со светом будь, отрок, – поклонился в ответ Савватий, худой, сгорбленный, с шапкой сизых волос и седоватой бородой. Одет он был в рясу, на груди висел тяжелый восьмиконечный крест.

– Слушаю, отец. Я понимаю так, что пришла пора переходить на более высокий уровень Соппротивления?

В тусклых с виду серых глазах Савватия на мгновение полыхнул огонь *силы*. Между собою волхвы были равны, но Сергей, несмотря на молодость, мог решать самые сложные проблемы, был более подвижен, чем старики, и не зря стал иерофантом Предиктора, то есть координатором исполнения Замыслов.

Под Соппротивлением же оба понимали не армию, не организацию, а *среду*, созданную русским пространством и людьми, которая во все времена и формировала оперативную команду для исполнения того или иного Замысла.

– Соппротивление – всего лишь часть системы Катарсиса, – ответил Савватий. – Новый Замысел предполагает сформировать кольцо очищения из русских городов, а также разработать концепцию глобальной политической структуры – Балансового Контроля. То есть необходимо создать такие условия на Руси, чтобы силы Сатаны не могли существовать ни в физическом, ни в психоэнергетическом планах.

– Это сверхсложная задача, отец.

– Я знаю. Цель Сатаны – изменить мир по его программе. Внедрение идеологии Сатаны длится на Руси более двух тысяч лет, мы же только-только собираем силы. К тому же Сатана не жалеет своих слуг и ретрансляторов – черных магов, мы же обязаны беречь своих помощников. А главное, что у Сатаны появились новые проводники его программы. К Российскому легиону добавились теперь Братство Черного Лотоса, Академия национальной безопасности, лаборатории психотроники. Реввоенсовет расформирован благодаря нашим усилиям, зато создается система тотального криминального контроля на государственном уровне – СТОКК, объединяющая ФСБ, СВР, ГРУ и МВД.

– Замысел учитывает эти факторы. Мы тоже строим свои оборонительные системы и структуры и достигли некоторых успехов. Кроме Предиктора, мы имеем дружину витязей, Сопротивление, техническую службу Катарсиса, Вечевую контрразведку.

– К сожалению, Замысел основан на насилии. Насилие бесперспективно. Пришло время реализации идеи изменения порядка мира ненасильственным путем. Появились мыслящие и сильные люди, хотя их еще мало, творцы и лидеры, способные воплотить в жизнь новую стратегическую концепцию Катарсиса.

– На начальном этапе нам не обойтись без *физического* ограничения деятельности слуг Сатаны.

– Не все волхвы это понимают. – Я тоже на Сходе, вероятнее всего, буду возражать против конкретного воплощения наших идей с помощью прямых физических действий.

– Тогда мы проиграем эту кризисную фазу противостояния.

– Я не сказал, что буду препятствовать Замыслу. – Твоя задача, координатор, создать базу и команду, причем за очень короткое время, чтобы мы наконец вышли на прямую коррекцию программы Сатаны. При этом каждый твой ход должен быть прикрытием другого хода. Сатане нужна наша с и л а, наша энергия, наша кровь, наконец, без них он не сможет внедрить на Земле свой Замысел.

Сергий кивнул.

Войны, кровь, насилие и смерть питали Сатану, *проявляли* его на Земле, и Предиктор давно работал как регулятор напряженности в стране, хотя удавалось ему далеко не все. Давно было известно, что правоохранительная система государства должна работать иначе, другими методами, но продолжала действовать в том же духе, что и криминальная система, ограничивая ее деятельность насилием, жестокостью, террором, не подчиняясь законам и моральным нормам. *Предупреждать* преступления она не могла. Это должно было сделать Сопротивление.

– Главные задачи системы, – продолжал Савватий, – ты и сам знаешь, их шесть. Первая – перераспределение финансовых потоков в пользу государства, а не чиновников и частных лиц. Вторая – регуляция информационных потоков, воздействие на средства массовой информации. Третья – корректировка властных структур. Четвертая – упреждение террора и бандитизма. Пятая – выявление и ликвидация коррупции всех видов. И шестая...

– Формирование родового защитного поля, – подхватил Сергий.

– То есть создание светлого национального русского эгрегора, – закончил Савватий.

Сергий улыбнулся.

– Эти задачи не меняются уже в течение нескольких десятилетий, как и особенности русского характера: создать проблему, чтобы ее потом героически решать. Пример – успешно реализованный самими же русскими заговор против русской истории.

Глаза архимандрита снова сверкнули.

– Как сказал один путешественник по России в середине XIX века: «Общественная жизнь в этой стране – постоянный заговор против истины».

– Маркиз де Кюстин, – улыбнулся юный волхв. – У него еще есть такие строки о Руси: «Все там безгранично – страдания и воздаяния, и жертвы, и чаяния; их (то есть нас) могущество может стать громадным, но они купят его ценою счастья».

– Что ж, мы такие и есть, – усмехнулся в бороду Савватий. – Наше спасение в святой мечте о царстве справедливости, осуществить которую нам суждено чрез муки и слезы, боль и унижение, жертвы и страдания. Но все же наша мечта не сродни американской, выраженной в рекламе или в их киномечте о превращении киллера в ангела. Их зомбирующее навязывание стереотипов на Руси не пройдет – о том, что насильник, бандит, убийца может и должен стать героем. Нашему человеку это глубоко противно.

– Потому что других героев у них нет, – грустно согласился Сергей. – Я читал мемуары третьего американского президента Джефферсона, в которых он признался, что с ужасом думает о судьбе своей страны и о том, что Бог справедлив. Ибо не может Божья справедливость спать вечно.

– Не холодно ли тебе, отрок? – посмотрел на красные от мороза щеки собеседника архимандрит. – Может быть, пойдем в трапезную, попьем чайку с чабрецом?

– Не холодно, отче, но от чайку вашего не откажусь.

Они неторопливо спустились вниз, вышли из церкви и, никем не видимые, направились к трапезной, огромному зданию в стиле московского барокко, окруженному открытой галереей-гульбищем. Миновали небольшую Михеевскую церковь у западного входа и вошли в юго-западную часть здания, занятую служебными помещениями и малой трапезной, сели на лавки за деревянный стол в уголке. Через несколько минут служка принес поднос с сухарями, медом и вареньем, а также самовар.

– Я предвидел расширение Замысла, – сказал Сергей, наливая чай в большую глиняную кружку, – и давно начал сбор информации по интересующим нас темам. К сожалению, мы пока не в состоянии повлиять на самый большой и простой эгрегор – систему оперирования деньгами. Она в руках черного криминально-правительственного каганата.

– Поэтому частью Замысла и является проблема перераспределения финансовых потоков. Мы должны научиться владеть всеми концентрированными пси-полями: деньгами, парадигмами, рунами, идеями и даже компьютерами, – если хотим исправить положение. Российский легион, к примеру, финансируется не только нашими спецслужбами, но и Фондом озабоченных граждан мира, резиденции которого находятся в Брюсселе и Вашингтоне. Необходимо этот поток направить на наши нужды.

– Эксперты «двойки» Катарсиса уже рассчитали трафик, параллельно я сформировал группу влияния. Однако мне мешают. Черные в Москве понимают, что мы не сидим сложа руки, и принимают превентивные меры.

– Необходимо ослабить влияние конунгов на социум.

– Каким образом? Москва стала закрытой зоной черного беспредела, защищаемой семью конунгами, нам туда не пробиться.

– Нужно, во-первых, переманить на свою сторону кого-то из серых, во-вторых, найти подход к черному.

– Это проблема из проблем.

– Знаю, но ее надо решать. А в первую очередь нейтрализовать Братство Черного Лотоса, пустившее корни уже в десятках городков и сел по всей Руси. Пусть храмами Братства займутся Витязи.

– У нас их, к великому сожалению, немного.

– Ищите кандидатуры. Привлеките людей боя, участвовавших в ликвидации базы Легиона на Селигере.

– Мы присматриваемся к ним, но они еще не совсем готовы к ненасильственному деянию.

– Пусть поработают простыми исполнителями Катарсиса, быстрее войдут в нужную форму. Дай им задание привлечь лидеров криминальных образований, это им по силам. Моя сфера персональной ответственности – строительство школ на принципах живы, а твоя...

– Ликвидация лабораторий, занимающихся психотронным оружием второго поколения, – закончил Сергей. – Я имею в виду «анаконду» и «лунный свет». Придание гласности исследованиям в этом направлении скорее всего не поможет, как и физическое уничтожение лабораторий, нужен новый подход. А самое эффективное деяние в этом плане – создание ментального запрета на разработку на уровне физического закона.

– Это изменит всю картину мира, – покачал головой Савватий. – Вышень не одобрит нашей инициативы.

– И все же надо попытаться предложить ему идею. Приближается время, когда выход Сатаны в наш мир тоже станет физическим законом.

– Не знаю. – Старый волхв задумался. – Необходимо прежде всего добиться согласия Предиктора.

– Мне бы в моем поиске очень пригодилась помощь Спиридона.

– Он перешел в иное качество, просветленный. – Архимандрит монастыря вздохнул. – Мне его тоже не хватает. Кстати, с этого дня вводится пароль на ментальную связь.

Савватий дважды чиркнул пальцем по воздуху, и с шипящим посвистом перед ним вспыхнули две изогнутые линии, сложившиеся в символ, напоминающий летящего сокола.

Сергей внимательно посмотрел на архимандрита.

– С чем это связано?

– Боюсь, конунги научились пеленговать наши каналы связи.

– Это невозможно.

– Тем не менее стоит перестраховаться. Теперь общаться будем, только кодируя канал этой руной. Пойдем, пройдемся.

Они допили чай, вышли из трапезной, направляясь к митрополичьим покоям по хрустящему под ногами снегу.

Снегопад прекратился, в разрывы между расходящимися тучами выглянуло солнце.

– Насколько серьезна угроза со стороны СТОКК? – спросил Савватий. – Что нам предусматривать в ответ?

– СТОКК создается в рамках концепции национальной безопасности, с благими намерениями, однако в первую очередь будет использоваться черным эгрегором. Это очень серьезная сила, на мощной базе, в том числе научно-технической. По Москве уже устанавливаются телекамеры для контроля улиц, опять же – с благими замыслами «борьбы с терроризмом». Нам нужно работать на таком же техническом уровне, если не выше, для чего я ищу профессионалов во всех областях знаний. В первую голову математиков и компьютерщиков, специалистов по микроэлектронике и психическим исследованиям. Чтобы противостоять зомбирующим системам типа «анаконда» и «лунный свет», нам необходимо научиться декодировать психику человека с помощью не менее мощных технических систем.

Савватий задумчиво коснулся рукой камня внутренней стены лавры, вдоль которой вилась протоптанная в снегу дорожка. Камень засветился оранжевым светом, стал прозрачным, как расплавленное стекло, затем вернул прежний вид.

– Хорошо, что черные конкурируют меж собой, надеясь на абсолютную власть. Соберись они в один кулак, нам пришлось бы туго. Меж тем как сыны света живут в Боге и для Бога, пользуются миром, как не пользующиеся, сыны тьмы всегда остаются сынами мира сего.

– Они всецело живут в мире видимом и чувственном, – подхватил Сергей, – для материальных выгод и удовольствий, водятся животной жизнью.

Архимандрит не без удивления посмотрел на светящееся изнутри лицо молодого волхва, процитировавшего уложение Свято-Троицкой Сергиевой лавры «О последних событиях, имеющих совершиться в конце мира», которое было написано еще в 1905 году. Сергей никогда не был монахом лавры, но, как оказалось, знал ее священные писания.

Молодой человек прочитал мысль старого волхва.

– Это память родовой линии, отец. Я могу пользоваться ею как библиотекой.

– Иногда я забываю, – проворчал Савватий, – что ты близок к самореализации шестой ступени, просветленный. Поболе бы нам таких, как ты.

Сергий улыбнулся.

– Они грядут, сыны света. Русь не погибнет, и мы это знаем. Что же касается священных писаний, которых множество, я знаю и такие, которые начинаются словами «Во имя Бога милостивого и милосердного», но переделывают людей до такой степени, что приверженцы этого доброго бога в запале стремления обратить других в свою веру доходят до массового человекоубийства.

– Таковы все слуги Сатаны, отрок, независимо от их вероисповедания и национальности. Есть они, к несчастью, и среди православных славян. К слову, в Москве произошел дикий случай осквернения православных икон...

Сергий кивнул. Архимандрит говорил о происшествии в центральном выставочном зале московского Манежа. Некий «свободный художник» Авдей Тер-Оганесян приобрел в иконной лавке Софрина наиболее почитаемые православными христианами освященные иконы Спаса Нерукотворного, Спаса Вседержителя и Владимирской Божией Матери, принес в Манеж и на глазах пораженных посетителей бросил на пол, стал топтать ногами, плевать, рисовать на них свастику, а затем топором изрубил святыни, представляя это как своеобразный «акт высокого искусства», приуроченный к выставке работ современных абстракционистов. «Художника» задержали... и вскоре отпустили, так как он оказался сыном бывшего вице-премьера. По сведениям разведки Соппротивления, он собирался повторить свой «акт» в Историческом музее.

– Я послал в Москву Георгия, – сказал Сергий. – Вандализм должен понести наказание и перестать заниматься своим «художеством».

Савватий повернулся лицом к солнцу, широко открыв глаза, в которых плавились мудрость и печаль.

– Иди, просветленный, исполняй Замысел. И пусть душа наша, яко птица, избавится от сети ловающих...

Сергий поклонился старику и исчез.

Савватий остался стоять у стены лавры, глядя на солнце, не жмурясь и не прищуриваясь. Губы его двигались, будто он читал молитву. Впрочем, это и была молитва, так как последними словами в ней были:

– Благословен Вседержитель, иже не дади нас в ловитву зубом их...

Жуковка КРУТОВ

Снег еще лежал кое-где на полях и в лесах, в садах и скверах, под заборами и стенами домов Жуковки, но в воздухе уже пахло весной. По утрам было холодно, однако стоило выглянуть солнцу, как сразу с крыш начиналась капель и по тротуарам и улицам провинциального городка открывали навигацию ручьи.

Крутов подставил лицо лучам солнца, всей грудью вдыхая свежий весенний воздух, прошелся вдоль стены школьного спортзала, обходя слежалые ноздреватые пласты снега, и вернулся ко входу в здание.

Жил он в Ковалях, где микроклимат был несколько иным, а снег до самого апреля оставался девственно-чистым и белым, в Жуковку же навещался регулярно – четыре раза в неделю, устроившись тренером по русбою в местном спортобъединении. Помог ему определиться с работой племянник дядьки Ивана Поликарповича Женя Хапилин, работавший учителем физкультуры в Жуковской средней школе и прознавший, что бывший полковник ФСБ – мастер рукопашного боя. Он же договорился с директором школы о выделении помещения для занятий новой секции, в которую с удовольствием ходили и ученики школы. До этого Крутов, переехавший с женой из Ветлуги на родину еще осенью прошлого года, два месяца ничем не занимался и с радостью согласился на предложение основать школу единоборств. Кроме всего прочего, надо было зарабатывать на жизнь, а спортклуб обязался платить хотя и небольшие деньги, но регулярно.

Впрочем, сказать, что Крутов ничего не делал, было бы несправедливо. Он помогал по хозяйству деду Осипу, теткам, двоюродным сестрам, ухаживал за Елизаветой, потерявшей интерес к жизни после преждевременных родов и потери ребенка, – казалось дикое нервное напряжение, испытанное женщиной под Селигером во время боя команды Крутова с боевиками Российского легиона, – и каждое утро занимался психофизическим совершенствованием по системе деда Спиридона, которую он называл *живой*. Именно жива и помогла Егору выйти целым и невредимым из боя, а также вывести Лизу из глубокой депрессии после выкидыша. Хотя прийти в себя окончательно она не смогла до сих пор. Уже полгода Крутов не видел на ее похудевшем бледном лице улыбки и живого блеска в глазах, несмотря на все свои усилия. Складывалось впечатление, что Лиза сознательно закрыла все двери наглухо, отгородившись от мира толстыми стенами нежелания общаться. Жила она словно бы по инерции, не помогали ни беседы, ни врачи, ни колдовские приемы родственников Качалиных, сведущих в травном и наговорном лечении, и Егор уже начал бояться, что его берегиня потеряла свою волшебную жизненную силу, спасая мужа от гибели. Уезжая из Ветлуги, он не знал, каково истинное состояние здоровья Елизаветы, но, даже если бы и знал, решения своего не переменил бы. Дед Спиридон после боя на Городомле исчез, и никто из многочисленных родственников Качалиных в Ветлуге не мог сказать, куда он подевался. Не знала этого и Евдокия Филимоновна, жена и берегиня старого волхва, не проявлявшая между тем особого беспокойства. Муж частенько исчезал из дома по своим волхвовским делам и не появлялся иногда по месяцу, по два. Но поскольку он так и не объявился, Крутов и решил переехать на родину, надеясь, что там удастся вывести Лизу из ее сумеречного существования. Жить в Ветлуге после всего случившегося под постоянным давлением бандитов Быченко Крутов не хотел, тем более в отсутствие учителя.

Разъехались в разные стороны и его бывшие соратники.

Ираклий Федотов решил податься в Нижний Новгород, где жила и работала Мария, исполнившая свою миссию Ходока и берегини до конца. Егор знал, что бывший полковник военной контрразведки влюблен в Марию, но как относилась к нему сама женщина, никому

было не ведомо. При расставании Егор пожелал удачи соратнику и другу, искренне желая ему счастья, и это было все, чем он мог ему помочь.

Панкрат Воробьев, год проживший в Осташкове, на берегу Селигера, с Лидой, сестрой Егора, и двумя ее детьми, уехал оттуда с семьей сразу после памятных событий начала октября прошлого года и устроился в Переславле-Залесском, небольшом провинциальном городишке Ярославской губернии, где у него жили родственники по отцовской линии. Егор изредка получал оттуда весточку: Лида не забывала брата, да и сам Панкрат позванивал, зная о происшедшей беде с женой Крутова. По тону разговоров было понятно, что он скучает по прежним временам, хотя, с другой стороны, открыто радовался своей семейной жизни. Он нашел свою женщину, дети которой стали звать его отцом.

Крутов и сам нередко вспоминал недавнюю боевую жизнь, однако все так же стремился к независимости и покою, обнаружив в глубине России колоссальный массив бытия, не зависящего ни от политических драк в высших эшелонах власти, ни от мафиозных разборок, ни от силовых структур, и собирался войти в этот глубинный массив, чтобы остаться в нем навсегда. Единственное, что требовалось для этого (как ему казалось), – было время. Хотя прошлое отпускало бывшего полковника безопасности неохотно, постоянно доказывая, что средний человек в России абсолютно не защищен, беспомощен как перед бандитами и жуликами всех мастей, так и перед властью, перед чиновниками, перед так называемыми правоохранительными органами и законами криминального государства, которым к этому времени стала Россия. Крутову и на родине изредка приходилось воевать – за честь и достоинство, за справедливость и правду, хотя и в меньших масштабах, отстаивая идеалы, впитанные с молоком матери, хотя большинство конфликтов он, к своему удивлению, научился разрешать мирным путем. Но не все. Еще дед Трофим Харлампиевич говорил: если не жить ради других, хотя бы своих родных и близких, то какой смысл жить вообще? Крутов хотел воплотить эту формулу, отражающую основы бытия рода, в реальность. Первой же его задачей на этом пути было восстановление здоровья и психики Лизы, пережившей жуткий страх за мужа и рождение мертвого ребенка.

А больше всего мировоззрение Крутова изменили занятия живой. Он стал замечать то, что не замечал раньше, понимать то, о чем вообще не задумывался, и видеть то, что было недоступно еще полгода назад. Потому что жива оказалась не просто системой защиты и организации пространства адекватного ответа (ПАО) или древнейшей славянской философией жизни и смерти, но образом жизни, и ее принципы исподволь изменяли человека, повышая его уровень самореализации даже в том случае, если он с виду ничего особенного не делал. Количество прожитых лет при этом на качестве реализации не сказывалось, хотя еще совсем недавно Егор считал, что единственное количество, которое не переходит в качество, есть именно количество прожитых лет.

Мысль, что его забыли, вычеркнули из списков Сопротивления как неперспективного, приходила в голову Егору все реже. Ему словно дали время на оценку и осмысление происходящего, проверяли его терпение и запасы независимости. Может быть, именно это соображение и заставляло Крутова избегать каких-либо контактов с теми, кто выводил его на путь Витязя.

Над предложением организовать школу единоборств Егор думал недолго, согласившись на третий день, но лишь потом понял, насколько это благодарный и интересный труд. После двух месяцев занятий мальчишки души не чаяли в своем наставнике, готовые заниматься день и ночь. Особенно произвело на них впечатление поведение тренера во время нападения на школу группы хулиганствующих молодчиков, которые, узнав о секции «рукопашки» в Жуковской школе, решили покуражиться и поиздеваться над учителем.

Их было двенадцать человек возрастом от пятнадцати до двадцати лет, руководил же бандой известный в Жуковке хулиган и вор Бузыкин по кличке «Буза», двадцатисемилетний, отси-

девший в тюрьме три года за ограбление. Они ворвались в спортзал вечером одиннадцатого февраля во время тренировки, принялись кричать, свистеть, отпускать неприличные шуточки, хохотать, затем перешли к действию, ломая снаряды, вспарывая ножами маты, и Крутов пресек начавшийся разгром самым решительным образом.

Он вдруг рывкнул во всю мощь легких, так, что даже зазвенели стекла спортзала: «Стоять!» – в установившейся тишине бесшумно и быстро приблизился к Бузе, выявив в нем жоака стаи, и одним касанием пальца уложил его на пол, не обращая внимания на демонстративно вынутый нож.

В Жуковке уже существовали спортклубы под вывесками «секции кикбоксинга» и «школы восточных единоборств», Егор посетил их во время занятий, чтобы иметь представление об учебном цикле, но, когда увидел учеников – молодых людей устрашающей наружности и ознакомился с методикой преподавания, понял, что тренеры клубов готовят из своих подопечных кого угодно, только не мастеров с высоким духовным потенциалом.

Тренировка в этих школах включала в себя поистине «эксклюзивные» приемы: удары растопыренными пальцами в глаза, удары локтем в височную область, удары в пах, а то и вовсе захват половых органов соперника. Воспитывали из молодых парней не спортсменов и не адептов воинских искусств, а бойцов, способных надежно и быстро искалечить любого противника. Примерно таким же образом готовили боевиков инструкторы в Чечне и Таджикистане, да и в мафиозных кланах по всей территории России, не заботясь о здоровье учащихся, которые нередко получали травмы, вплоть до переломов костей и сотрясения мозга, а то и вовсе погибали во время «тренировочного процесса». Но то были засекреченные базы обучения террористов и киллеров, увидеть же подобные школы работающими легально в патриархальной глубинке, у себя на родине, Крутов не ожидал. Правда, тогда он еще не знал, что ему придется столкнуться с хозяевами «клубов», контролируемых, как оказалось впоследствии, Российским легионом через весьма интересную структуру, которая называлась Братством Черного Лотоса. Произошло это следующим образом.

В секцию Егора записалось поначалу всего двенадцать человек, в основном – ученики старших классов, но через месяц их число удвоилось, а к концу февраля в секции занималось уже более сорока ребят самого разного возраста – от шести до восемнадцати лет. Среди них оказался и Марат Катуев, сын известного жуковского коммерсанта, заканчивающий школу. Егор помнил, как вел себя этот молчаливый, сильный, но совершенно закомплексованный парень, покуливавший травку, у которого часто болела голова. Привел его в спортзал отец, и парень вряд ли остался бы в секции, если бы не предложение Крутова вылечить его. Марат отнесся к предложению с недоверием, скептически, но под строгим взглядом отца согласился. Тогда Егор велел парню раздеться, *просмотрел* его в поисках активных точек тела, и тремя ударами ребром ладони – в грудь, по шее и в спину – навсегда избавил от головных болей, что подействовало на него лучше всяких уговоров и демонстраций боевой техники.

Отец Марата, первое время контролирующий посещение сыном новой секции, как-то в разговоре с Крутовым признался, что у него трое детей, среди которых Марат – самый младший.

– Все мужики, – сказал со вздохом Катуев-старший с унылым видом, – и никакого сладу. Ни один не проявляет особого желания учиться и работать. Даешь им деньги – принимают как должное, не даешь – начинают пропадать в дурных компаниях. Вот и приходится кормить и содержать. А в ответ – полнейшее равнодушие! В жизни ни один не послушался совета или не взял с отца пример. Как будто не мои дети. Мать вся извелась...

– Может быть, вы чего-то не учли в воспитании? – осторожно посочувствовал Крутов, с любопытством поглядывая на плотного, кряжистого, лысого, с суровым бульдожьим лицом Катуева. – Характер человека складывается с детства.

– Может быть, – легко согласился пятидесятилетний Владислав Катуев. – Если бы я вложил в них душу, не надо было бы вкладывать сейчас деньги...

И вот Марат вдруг перестал ходить на занятия, а через месяц появился его отец и попросил помощи. Оказалось, парень увлекся буддийской философией и стал пропадать в недавно отстроенном на берегу Десны храме Черного Лотоса, не желая слушать ни мать, ни отца, отказываясь даже заканчивать одиннадцатый класс школы. Так Егор впервые услышал о Братстве Черного Лотоса, свившем свое гнездо в Жуковке и рекрутировавшем послушников в городе и по окрестным селам. О том, что храм контролируется Российским Легионом, Крутов узнал позже. Получив же известие от Катуева, он решил поговорить с настоятелем храма и выяснить, что это за странное монашеское объединение, абсолютно не свойственное русской провинции.

Каково же было его удивление, когда он увидел не допотопную хибару, не полуразвалившееся, в строительных лесах, восстанавливаемое строение, а самый настоящий буддийский храм с мощными каменными стенами, с «китайскими» крышами с загнутыми краями и драконами на флюгерах. Размеры здания почти не уступали размерам московского храма Христа Спасителя, что говорило о размахе и возможностях его хозяев, не доступных не только простым смертным, но и местной Православной епархии.

Лишь месяц спустя Крутов выяснил, что филиалы Братства появились не только в Жуковке, но и в Брянске, а также в соседних областях. Храмы росли, как грибы после дождя, и за всем этим ощущалась чья-то целеустремленная воля, пожелавшая насадить повсеместно чуждую коренному населению веру. И не только веру. Потому что храмы эти, как быстро сообразил Егор, стали настоящими базами и школами боевиков, из которых должны были вырасти будущие легионеры. Но об этом он догадался позже, теперь же, попытавшись добиться аудиенции у настоятеля-проповедника, Крутов сразу нарвался на откровенно вызывающее, пренебрежительное и наглое поведение монахов, представлявших вполне современное охранное подразделение.

За ворота храма, расположившегося в живописнейшем уголке природы на берегу реки, неподалеку от жуковского дома отдыха, Крутова не пустили.

– Сегодня неприемный день, – сказал мрачно коротко остриженный белобрысый отрок в черном одеянии, поглядывая на крутовский джип «Лэнд-Круизер», который ему при расставании подарил Георгий в Осташкове. – Учитель принимает только по пятницам.

– Меня он примет и сегодня, – добродушно сказал Егор. – Передайте, что к нему на прием просится полковник Крутов.

– Да хоть сам генерал, – тем же тоном проговорил монах-охранник, подзывая напарника. – Приходи в пятницу, может быть, учитель и соизволит принять.

Крутов с любопытством посмотрел на квадратное лицо парня, излучающее полное «отсутствие всякого присутствия».

– Вы не поняли, молодой человек, – попытался он мягко достучаться до сознания стража. – Я такой же учитель, как и ваш наставник, но к тому же еще полковник Службы безопасности. Доложите учителю, что к нему пришел Егор Лукич Крутов.

Охранники ворот переглянулись.

– Приходи в пятницу, – повторил белобрысый. – Сегодня учитель молится.

Из глубин храма вдруг донесся тихий многоголосый вопль: хё! Крутов понял, что внутри идут занятия по какому-то виду корейской борьбы, возможно субак или тхэккён.

– Ваш учитель кореец? – поинтересовался Крутов, зная от Катуева-старшего, что настоятеля храма зовут Сергеем Баратовичем Кенджалиевым. При таком сочетании имени, отчества и фамилии трудно было установить национальность человека, хотя в принципе для Егора это не имело никакого значения.

Молодой страж ворот нахмурился.

– Сам ты кореец! Шел бы ты своей дорогой, полковник, или кто ты там, здесь частная территория, и гостей мы не любим.

Егор покачал головой. Он давно мог бы войти в храм, просто усыпив охранников приемами живы, однако начинать беседу с боссом заведения с этого не следовало.

– Вижу, что вежливости вас не учили, молодые люди. А нельзя вызвать сюда одного из новых учеников, Марата Катуюева? Это-то, надеюсь, не запрещено?

– Запрещено, – отрезал белобрысый, закрывая створку ворот. – К нам приходят добровольно. А ты бы лучше не приходил сюда вовсе, ни один, ни с кем еще... – Говоривший осекся.

К воротам вышел еще один монах в черном, постарше.

– В чем дело, брат?

– Да вот пристал, хочет поговорить с учителем...

– О чем?

– Послушайте, любезные, – усмехнулся Крутов, терпеливый, как фундамент многоэтажного дома, – вам не приходит в голову, что вы ведете себя как сотрудники спецслужбы, а не монахи? Я ведь не случайный прохожий, а чиновник при исполнении и могу действовать гораздо активнее, чем вы думаете. Не хотите пропустить к учителю, позовите Марата Катуюева, он мой ученик, и я хочу знать, по какой причине он перестал ходить на занятия и оказался здесь. Более веские аргументы, надеюсь, не нужны?

Монах постарше смерил Крутова взглядом, молча повернулся к нему спиной, и створка ворот снова закрылась. Это была настоящая пощечина, и в другие времена Егор вряд ли ее стерпел бы, но теперь он только постоял в задумчивости у ворот, приглядываясь к стенам храма и прислушиваясь к долетавшему хору голосов, затем вернулся к машине и уехал, пообещав себе все же добиться у господина учителя аудиенции.

Однако делать этого не потребовалось. Уже на следующий день к Егору в школу забежал благодарный Катуюев-старший и сообщил, что сын вернулся. Что произошло, объяснить он не смог, но Крутову это знать было и необязательно, хотя он предполагал, что настоятель храма просто решил не рисковать и возвратил «заблудшую овцу» в семью, чтобы вокруг храма не поднимался лишний шум.

Правда, еще через неделю в спортзал школы, к концу занятий, когда Крутов отпустил «начальный класс», оставив наиболее «продвинутых» учеников, неожиданно заявила четверка крутоплечих накачанных молодцов во главе с монахом Братства. Отличительной чертой монахов храма Черного Лотоса было ношение на груди медальона с изображением лотоса, и спутать их с православными было невозможно. К тому же все они были молоды, самому старшему из встречавшихся Крутову в городе едва ли исполнилось тридцать лет. Тот, что привел с собой в спортзал крепких парней, одетых в одинаковые велюровые черные куртки и джинсы, был моложе.

Сначала они вели себя мирно, наблюдая за процессом тренировки, сели на лавочку поближе к татами, затем начали бросать реплики и вслух обсуждать достоинства фигур старших девочек; в группе их было трое. Крутов попросил гостей вести себя сдержаннее, но это не помогло. Парни явно провоцировали драку и стали в открытую смеяться над ним, а когда Егор сделал еще одно замечание, монах, не принимавший участие в этой игре, спросил с усмешкой:

– А что ты нам сделаешь, *полковник*? Милицию вызовешь или ОМОН?

Он *знал*, что Крутов уже не был полковником, а это означало, что монах получил задание от настоятеля храма пощупать приходившего к ним представителя власти.

– Зачем же милицию? – спокойно сказал Егор, остановив тренировку. – Я и сам вас выведу.

Он вдруг оказался рядом с четверкой ржущих парней – никто из них не заметил его перемещения, так быстро Крутов пересек зал, – раздалась очередь в четыре хлестких пощечины, головы парней дернулись, и на щеках появились отчетливо видимые багровые отпечатки

ладони Егора. Ошеломленные молодцы вскочили, враз замолчав, но Крутов не дал им времени на осмысление происходящего и успокоил каждого касанием пальца к точкам бессмертного воздействия на лбу, у виска и на шее. Парни сели с выражением немомого удивления на сытых лицах, к которым вполне подходили определения «мурло» и «морда».

Егор повернулся к монаху, вскочившему и вставшему в позу корейского бойца тхэккён: левая нога слегка согнута в колене, правая впереди и опирается о пол лишь носком, руки согнуты перед грудью особым образом, пальцы растопырены, – покачал головой.

– Я вас умоляю, поручик. Забирайте своих «шестерок» и идите отсюда со всей возможной поспешностью. И запомните: сюда больше не приходите, мое терпение тоже имеет пределы.

– А то что? – хмыкнул монах, расслабляясь.

– Храму придется тратиться на лечение таких, как ты и твои мордовороты.

Крутов вернулся к своим ученикам, понявшим, что учитель продемонстрировал не свои возможности, а возможности пропагандируемого им вида борьбы, и продолжил занятия. Четверка несостоявшихся проверяльщиков, ведомая монахом (какой он, к черту, монах – самый настоящий боевик!), убралась из зала. А после занятий к Егору подошел Марат Катуев и сказал с восторженным блеском в глазах:

– Ловко вы их успокоили, учитель! Я у них был и видел... они тоже тренируются, но совсем не так, как мы...

– Вероятно, их инструктор – кореец.

– Я не об этом. У них совсем другой подход... более жестокий... и работают они в полном контакте...

– Мы тоже будем работать в полном контакте, но без травм и переломов. Хотя я буду учить вас в основном обратному – бесконтактному воздействию.

– А ваши приемы... ну, как вы с ними справились... это дим-мак или русбой?

– Скорее ни то, ни другое. Есть древнерусская система психофизического совершенствования, приемы которой не менее эффективны, чем восточные.

– Вот бы мне научиться!

– Будешь тренироваться, – улыбнулся Егор, – а главное – *думать*, – научишься.

После этой стычки с адептами Братства Черного Лотоса Крутова оставили в покое, а монахи стали появляться в Жуковке гораздо реже, но Егор чувствовал тяжелое влияние храма на психологическую обстановку в этом районе, понимал, что храм обычным религиозным центром не является, а скорее всего является центром подготовки бойцов для какой-то крутой структуры типа Российского Легиона, однако вмешиваться в дела этой организации бывшему полковнику хотелось меньше всего. Хотя, с другой стороны, он осознавал, что его мирное спокойное сидение в Брянских лесах не продлится долго. Он был Витязем, пусть и не опытным, и должен был служить Соппротивлению и Роду в соответствии со своими знаниями и навыками человека боя. Молчание же Предиктора, руководимого волхвами, оберегающего внутреннее российское пространство, вполне объяснялось соображением: Крутова испытывали на терпение и умение ждать. Хотя вполне возможен был вариант, что его просто оставили в резерве.

Солнце спряталось за тучи, и сразу похолодало.

Егор очнулся от воспоминаний, вернулся в спортзал, где уже начали разминку его ученики – сорок с лишним душ, готовых идти путем самореализации и совершенствования не навыков боя, а своего собственного мировоззрения, отношения к миру и человеку.

Вечер прошел, как обычно, спокойно, без напряжения, в меру весело и непринужденно. Мальчишки и девочки, поверившие в чудесную силу древнерусского стиля (Крутов начал понемногу давать им элементы боливака – составной части живы), в наставнике своем души не чаяли и повиновались ему беспрекословно, с удовольствием, что, естественно, отражалось и на их эмоциональном состоянии, и на поведении в быту. Катуев-старший в последнюю встречу признался Крутову, что поражен изменением привычек сына: Марат перестал слушать жут-

кий ритмичный грохот и вопли, которые он раньше называл музыкой и песнями, а главное – вышел из своего интравертированного закомплексованного мирка, куда его загнала жизнь, и все чаще пугал мать тем, что предлагал убрать в доме, вымыть посуду или сбежать в магазин за продуктами.

Закончив тренировку, Егор побеседовал с ребятами на разные философские темы: излюбленной была тема рождения Вселенной, тайны космологии, – и спустился из спортзала школы во двор, где стоял его железный зверь «Лэнд-Круизер», не боявшийся деревенского бездорожья.

Егор вспомнил случай, когда он возвращался вечером домой после занятий в школе в снегопад и остановился перед мостом через Березну, на окраине Фошни, чтобы выйти и протереть лобовое стекло; дворники не справлялись со снегопадом. И в это время в корму джипа въехал следовавший из Жуковки рейсовый автобус, который Крутов обогнал с минуту назад.

Егор подскочил к старенькому «пазику», рванул дверцу, чтобы высказать водителю все, что он о нем думает, и увидел побелевшего пожилого шоферу с испуганными умоляющими глазами.

– Прости... вот, бери все деньги... тут триста сорок... у меня четверо детей... я отработую, только не бей... ну не работают у этого ящика тормоза, проклятые! И снег ишшо...

Егор похлопал его по колену, деньги, естественно, не взял, закрыл дверцу и вернулся к джипу, унося в душе взгляд шофера, не ожидавшего такого поворота событий.

А джип практически не пострадал, только в заднем бампере появилась вмятина...

Машина выехала на окраину Жуковки, миновала Старые Месковичи слева, Гришину Слободу справа. Джип обогнал чью-то заляпанную грязью «Ниву», но вообще движение по дорогам района было редкое и замирало вовсе с наступлением темноты, что объяснялось разными причинами, не только плохим состоянием дорог и отсутствием у крестьян личного транспорта, но и нередкими случаями грабежа частников. На крутовский джип, правда, местные бандиты пока не покушались, зато в деревнях они действовали почти в открытую, зная, что сил у районной милиции мало, а участковых милиционеров можно купить. Так, например, дед Осип рассказал Егору историю, от которой тот снова почувствовал приступ «острой моральной недостаточности», а попросту говоря – ненависти к тем, кто паразитировал на трудовом народе, отбирая у него последние крохи, отбивая охоту к любому проявлению независимости и предприимчивости.

У Осипа в Фошне жил шурин, брат жены, Константин Яковлевич, который работал на ферме местного агропромышленного объединения «Рассвет». Он и пожаловался, что к ним повадилась банда, скупающая молоко и мясо по бросовым ценам и не допускающая, чтобы работники объединения продавали его в Жуковке сами. А выглядело это следующим образом.

Как только фермеры собирались везти мясо в город на рынок, на ферме появлялась бригада крутых хлопцев во главе с известным всей округе «предпринимателем», имеющим сеть торговых точек по всему району, Борисом Мокшиным, братом бывшего мэра Брянска Георгия Мокшина, грузила приготовленные туши коров и свиней, молоко и яйца на свои «Газели» и увозила. Платил же Мокшин, естественно, в пять раз меньше, чем могли заработать сами работники объединения.

Егор уже сталкивался с братьями в прошлом году и знал сволочную натуру обоих, тем более что один из них – Георгий – был когда-то мужем Елизаветы. Встречаться с ними снова Крутову не хотелось, но отвечать отказом на просьбу фермеров помочь – через Осипа – тоже было неправильно, и Егор пообещал деду оказать содействие шурину и его сотрудникам.

Машина миновала Фошню, освещенную фонарями благодаря работающим допоздна киоскам, а вскоре показались первые дворы Ковалей. Без четверти десять Крутов поставил машину под навес во дворе и, испытывая странное чувство вины, вошел в дом, вспоминая высказывание отца Елизаветы, Романа Качалина: жена, как наркотик, нужна каждый день, но в

малых дозах. Самому Егору Лиза была нужна «в больших дозах», что в настоящее время казалось несбыточной мечтой. Лиза словно погасла после войны в Осташкове, похудела так, что на лице остались, казалось, одни только глаза и губы, из дома выходила редко, мало разговаривала и больше сидела на диване в горнице, глядя перед собой прозрачно-зелеными пустыми глазами, уходя сознанием в не доступные никому миры. Оживлялась она, да и то ненадолго, лишь при возвращении Крутова.

Егор обнял на ходу бабу Аксицию, все еще хлопотавшую по дому, кивнул деду Осипу и двум его бородатым гостям, сидевшим на кухне, и прошел в светлицу, встречая нестерпимо светлый, обжигающий, вопрошающий, кроткий, сосредоточенный на каких-то внутренних переживаниях и воспоминаниях взгляд жены. Протянул ей букетик подснежников, купленных еще днем в Жуковке на базаре, опустил перед ней на колени.

– Любушка моя, вот и я.

– Егорша, – медленно проговорила Лиза, поднося цветы к губам, едва заметно улыбнулась. – Ты в своем репертуаре, полковник...

Крутов поцеловал ее пальцы, загоняя тоску и боль поглубже в сердце, поднял ее на руки и стал носить по горнице, приговаривая:

– Стану я, раб Божий Егор Крутов, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из ворот воротми, выйду в чисто поле, под восточную сторону, под белый день, под красное солнышко, под светел месяц, под частыя звезды, под утренню зорю, стану я перед лесом весенним, покорюсь и помолюсь: дай силы, лес-поле, моей берегине воспрянуть духом, и выйти ангелом, и не бояться никого, не болеть, и взять жизненные соки земли-землицы, и напиться, и вернуться к мужу здоровой и проворной...

На кухне замолчали. В двери появилась лысо-седая голова Осипа, скрылась. Крутов опустил жену на пол, обнял чуть ли не до боли, заглянул в глаза.

– Как ты себя чувствуешь, лебедь заколдованный? Скоро ли полетишь, как раньше?

– Скоро, – ответила Елизавета, снова улыбнувшись еле-еле.

Но глаза ее, просиявшие на миг, когда он дарил ей цветы, снова стали далекими, тоскливо-покорными и чужими.

– Посиди здесь, я сейчас.

Крутов вышел на кухню, жадно выпил кружку сбитня.

– Как жизнь, мужики?

– Революционная ситуация, – пошутил Осип. – Верхи хотят, а низы не могут.

Гости засмеялись. Деду Осипу пошел уже седьмой десяток, а он еще поглядывал на молодых и держался вполне по-петушиному.

– А у вас как дела, Константин Яковлевич? Что нового?

Один из гостей Осипа, широкий, могучий, грудь колесом, разгладил бороду рукой. Это и был шурин деда, Константин Яковлевич Ковригин, директор фермерского объединения «Рассвет».

– Да что нового, Егор Лукич, все старое. Опять нагрянули лихоимцы-заготовители, экспроприаторы, мать их!.. Выгребли все продукты подчистую, а заплатили курам на смех, на зарплату рабочим не хватает. Попробовали мы было уговорить их, да куда там. Семен вот блямбу получил под глаз, а у молодого Касяна, кажись, два ребра сломали.

Только теперь Крутов обратил внимание на синяк под глазом второго гостя, смущенно приглаживающего волосы. Усмехнулся, подумал, кивнул.

– Дадите мне знать, когда в следующий раз соберетесь выезжать в Жуковку с мясом. Я приеду.

Не слушая благодарных слов, Егор вернулся в горницу, остановился у стола, сглотнул ком в горле. Он не знал, как вывести жену из этого состояния полусна-полуяви, как не знали этого ее мать Степанида и даже ведьма Евдокия Филимоновна, но был убежден, что метод найдется.

Волхвы не могли оставить в беде берегиню Витязя... если только не собирались предложить ему новую.

Например, Марию...

Нижний Новгород ФЕДОТОВ

После уничтожения базы Российского легиона с лабораторией, создающей психотронное оружие второго поколения, которая была расположена на острове Городомля, на озере Селигер, Ираклий долго колебался, прежде чем решить, куда поехать, и выбрал в конце концов Бийск. На Алтае он родился, провел детство и юность, Алтай он любил и знал, и наконец, там жили его родственники, которые могли ему помочь устроиться.

Однако прожил он в Бийске всего одну неделю. Внезапно до смертельной тоски захотелось увидеть Марию, и Федотов бросил все дела, объявил Сергею Корнееву, который вернулся вместе с ним и продолжал работу в «церковном спецназе», что уезжает, и сорвался в Нижний, откуда на Алтай уже не вернулся.

Мария ждала его. Правда, совсем не так, как он рисовал себе в мечтах, а по-деловому, но все же ждала, чтобы предложить ему возглавить только что созданное частное издательство «Рось», и бывший полковник военной контрразведки согласился, проглотив все возражения. Оставалась надежда, маленькая такая воздушная надежда, что бывший Ходок Предиктора, историк по образованию и писательница по призванию Мария Юрьевна Арсеньева, волей волхвов Предиктора назначенная берегиней Витязя, в миру – Егора Лукича Крутова, когда-нибудь перестанет зависеть от Замысла и превратится в независимую берегиню, защитницу другого Витязя. В идеале – Ираклия Федотова, чего он желал всей душой, пораженный этой женщиной и влюбленный в нее, как мальчишка. Возможно, он не стал бы рассчитывать на развитие отношений с Марией, если бы она сама не давала повода, а главное – из-за отношения самого Крутова, любившего свою жену, Елизавету. Хотя и этот факт не слишком грел душу, потому что Мария не забыла Крутова и забывать не хотела. По одной простой причине: она его любила. И все-таки Ираклий остался в Нижнем Новгороде, надеясь и страшась, завидуя и ревнуя, любя и ненавидя: иногда – Егора, чаще – себя.

Устроиться на новом месте Ираклию также помогла Мария. Ее двоюродный брат, талантливый музыкант, уехал по контракту во Францию, оставив прекрасную четырехкомнатную квартиру на попечение сестры, и Мария предложила Федотову жить в ней, пока он не приобретет собственное жилье.

Постепенно наладился определенный быт, который Ираклий подогнал под свои привычки, связанные с ежедневными занятиями древне tibетской системой психофизического совершенствования лунг-гом, и прогулками-пробежками на свежем воздухе, а главное – наконец-то заработало издательство, выпустив в свет первые три книги, в том числе книгу Марии – фантастический роман «Волхв», и Федотов почувствовал вкус к жизни, подогреваемый близостью любимой женщины, изредка – намеренно или нет, но факт! – вдруг проявлявшей к нему какое-то особое внимание. Она как будто забывала, что на свете существует Егор Крутов, и начинала вести себя с Ираклием так, словно он был ей безразличен.

При встречах, которые происходили теперь у них регулярно, раз в неделю, они затевали философские споры и вели длинные, сопровождавшиеся тонкой пикировкой, беседы на интересующие обоих темы. Лишь на одну тему отказывалась говорить Мария – о Замысле Предиктора и обо всем, что было с ним связано: о молчании волхвов, об исчезновении деда Спиридона Качалина и об их участии в Сопротивлении. Сказала однажды, вскользь, что все идет своим путем, что Замысел не терпит торопливости и безответственности, что надо просто ждать. И Федотов ждал, гадая, понадобится ли он снова Предиктору или нет, в то время как жизнь продолжалась своим чередом, вокруг все так же происходили негативные явления, вынуждающие бывшего полковника вмешиваться, вспоминать, что он человек боя, и помогать людям

выживать. Иногда приходилось защищаться и самому. Один такой эпизод, связанный с новым направлением деятельности Федотова – изданием книг, произошел совсем недавно, в пятницу девятого апреля.

Ираклий возвращался домой (квартира была чужая, но он привык называть место проживания, пусть и временного, своим домом) из издательства поздно вечером, усталый и голодный.

Проблем хватало, и не все они решались оперативно, в надлежащие сроки, и качественно, хотя руководителем Федотов был достаточно опытным. Возглавив издательство, первым делом составил список рутинных дел, от которых надо было избавиться поскорее, рассмотрел каждое в отдельности и с помощью Марии наметил способы, позволившие ему уменьшить нагрузку и время, требуемое на раскачку, найти помощников, на плечи которых можно было переложить часть проблем, а также составил перечень приоритетных действий, функций и обязанностей, которые становились необходимыми в повседневной деятельности. И все же первые три месяца вхождение в новую область ответственности было трудным. Ираклий с головой окунулся в работу, похудел, но держался бодро и упрямо, и к началу апреля с удивлением ощутил себя другим человеком – *издателем*, болеющим за свое дело. И вот тут-то и появились дополнительные проблемы, о которых Ираклий хоть и знал, но не ждал, что они возникнут так остро.

Первой проблемой оказался отказ одного из инвесторов вкладывать в издательство деньги. Инвестор – Нижегородский филиал Промстройбанка – желал срочно получить назад свою долю.

Вторая проблема тоже была не из пустяковых. Почуввав после выхода первых книг наживу, к Ираклию в офис, расположенный в центре города, на улице Ванеева, заявились представители «крутой» охранной структуры под названием «Надежные ребята» и предложили «крышу». Естественно, за хорошую плату, чего Федотов не мог себе позволить в силу отсутствия лишних денег. Он отказался от предложения и сразу попал под пресс криминального воздействия.

Сначала хулиганы на улице вечером избили его секретаршу и запугали девушку так, что она отказалась выходить на работу. Затем кто-то регулярно стал прокалывать шины федотовского джипа «Судзуки», доставшегося ему в наследство от возглавляемого им в Жуковке Ордена чести; две таких машины мирно ждали хозяина на автостоянке в Брянске, откуда Ираклий их и забрал, подарив одну Панкрату Воробьеву.

И, наконец, дошло до прямых угроз и действий в адрес директора издательства «Рось».

Утром ему позвонили и сделали «последнее китайское предупреждение», заключавшееся в том, что, если он не согласится на услуги по охране издательства, последствия будут плачевными. «Радетели» снова были из частной охранной конторы «Надежные ребята», и Федотов вежливо послал этих «ребят» за кудыкины горы. А вечером его встретили в подъезде двое крепких молодых людей и огромный, как холодильник «Блэкхос», амбал, похожий на медведя гризли: волосатый, толстопузый, с покатыми плечами и длинными руками, способными, наверное, гнуть ломы. Двое спустились к лифту сверху, третий вошел следом за Ираклием.

– Тебя предупреждали, мужик, – сказал этот третий ломающимся баском. – А теперь мы тебя побьем маленько, не до смерти, чтобы не кочевряжился и знал, с кем имеешь дело. Платить тебе все равно придется.

Ираклий ответил ударом, и представитель «Надежных ребят» улетел к двери подъезда, вряд ли сообразив, что произошло. Второго, молодого человека в берете, Ираклий пропустил мимо, развернул и торцом ладони влепил ему в лоб прямой хидари. А вот «гризли» он недооценил.

Кеками¹ в живот гиганта не свалил! «Гризли» взревел от боли, цепко обхватил Ираклия за плечи (видно, когда-то серьезно занимался борьбой) и начал ломать спину, пригибая к полу, не обращая внимания на удары-тычки пальцами в грудь и в шею.

Ираклий попытался провести серию прямых и боковых ударов руками по корпусу, но удары под руками «борца» вязли, не клеились, «размазывались», а коленом до паха противника он достать не мог, так как на Федотове висели сто сорок, никак не меньше, килограммов противника, придавливая его к полу и вжимая в стену. Устоять на одной ноге, для того чтобы попытаться ударить другой и снять усиливающийся на позвоночник натиск «гризли», было невозможно. Он был выше, мощнее и сильнее.

Звенело в ушах, все отчаяннее болела спина, ныли руки и ноги, к сердцу поднялась волна холода. Ираклий попытался было сделать подсечку и бросок через стопу, но вовремя остановился: упали бы оба, и, если «гризли» оказался бы сверху, учитывая разницу весовых категорий, эта туша его просто раздавила бы. Тогда Ираклий ушел в *пустоту*, как его учил Крутов, и освободившееся от сознания тело само нашло выход.

Ираклий резко присел, захватил ногу противника и рывком за пятку бросил его на ступеньки лестницы. Гул при падении тела получился такой, что эхо пошло гулять по всем этажам. Встретив затылком холодный бетон, «гризли» успокоился. Радуюсь, что никто из квартир не вышел на шум драки, Ираклий передохнул минуту, разгоняя красные круги перед глазами, прислушиваясь к боли в спине (не сместились бы позвонки!), пошлепал первого парня по щекам, дождался, когда тот откроет глаза, и сказал внятно:

– Передай боссу, что я его навещу в скором времени, и не один, с отрядом ОМОНа. Еще раз попытается давить на психику – убью! Понял?

Не дожидаясь ответа, он сел в лифт и поднялся на пятый этаж, держа себя в боевом напряжении. Но все было тихо, в квартире его не ждали сюрпризы вроде засад или подброшенных взрывных устройств, хотя этот этап во взаимоотношениях охранной фирмы и издательства «Рось» еще мог наступить.

Вечером в субботу Ираклий заехал за Марией на улицу Родионова – ее дом стоял недалеко от Печерского монастыря – и предложил поехать в ресторан «Золотой плес», расположенный на высоком волжском берегу, рядом с нижегородским Кремлем, однако Мария отказалась и предложила отправиться в другое место.

– Куда? – послушно согласился Ираклий, сердце которого прыгнуло к горлу при виде женщины в красивом вечернем туалете: фиолетовое платье, облегающее фигуру, отливающее серебром, пончо и черные изящные туфли на высоком каблуке. Из украшений на Марии было кольцо и сережки в форме миниатюрной виноградной грозди, а также перстень с изумрудом.

– У нас существует закрытый клуб для местной элиты, называется «Дионис».

– Даже мимо не проезжал. А нас туда пустят? Клуб же закрытый?

Мария лукаво улыбнулась.

– Нас пустят даже к президенту, если понадобится.

– Но в клубы, насколько я слышан, публика ходит в смокингах или во фраках...

– Ты прав, но твой костюм сегодня сойдет за смокинг. Не волнуйся, поехали. Сейчас выезжай на Пискунова, потом налево на Дзержинского. И давай рассказывай, что случилось.

Ираклий покосился на спутницу, не удивляясь ее прозорливости. Она всегда чувствовала душевный настрой человека и безошибочно определяла его дискомфортное состояние.

– На меня вчера напали.

– Кто?

– Мальчики из охранной конторы «Надежные ребята». Не слышала о такой? Предлагали «крышу»...

¹ Кеками – удар с разворота боковой стороной стопы.

– Ты отказался, естественно.

– Естественно.

Мария засмеялась.

– Надеюсь, они остались живы?

Ираклий тоже усмехнулся, прислушиваясь к организму: спина у него все еще побаливала.

– Надо было мне сразу позвонить, – сказала Мария. – И конфликта не произошло бы.

– Ничего, мне не привыкать воевать с подонками. Кстати, в шкале стрессов собственная болезнь или травма стоит не на первом месте, а на четвертом.

– А на первом что?

– Развод супругов.

– Шутишь?

– Я привожу мнение американских психологов Холмса и Раха, недавно читал статью в «Аргументах и фактах». По их шкале на втором месте тюремное заключение, а на третьем смерть близкого родственника.

– Ерунда, по-моему. На мнение американских экспертов, причем почти в любой области знания, вообще полагаться не стоит. Вспомни поговорку: «Что русскому благо, немцу – смерть».

– Абсолютно с тобой согласен. Могу даже привести примеры. Недавно прочитал в какой-то газете мнение журнала «Time» о людях, оказавших наибольшее влияние на культуру в двадцатом веке, всего около пятнадцати фамилий – по одной на каждую категорию человеческой деятельности. Я был поражен: в списке нет ни одного соотечественника! Будто русских вообще не существует!

– Не горячись. Чего ты хочешь от тех, кто тысячи лет пытается доказать, что мы были язычниками и рабами?

– Но это же ни в какие рамки не лезет! Например, против категории «живопись» стоит фамилия Пикассо. Что, в XX веке в России не было художника, равного ему по таланту? Чушь! Один только Константин Васильев чего стоит! Или, к примеру, литература. Эксперты отдали предпочтение Джеймсу Джойсу. Да вашу ж мать! А Шолохов, Алексей Толстой, Куприн, Набоков в каком веке жили?! Я уж не говорю об актерах. В списке упомянут лишь Марлон Брандо. Не спорю, хороший артист, но и рядом не стоял с нашими Смоктуновским, Евстигнеевым, Леоновым, Яковлевым, Табаковым или Ефремовым. Да по каждому разделу можно назвать не одного претендента, а с десяток, половина которых будет славянской.

Мария с интересом посмотрела на разгоряченного Ираклия.

– А ты, оказывается, славянофил, господин полковник.

– Не отрицаю, – огрызнулся Федотов, остывая. – Только с небольшим уточнением: я не националист и к другим народам отношусь нормально. – Он вдруг усмехнулся. – Однажды прочитал в «Известиях» статью некоего инженера из Москвы Георгия Кузнецова, так даже морду хотел ему набить. Во, и фамилию запомнил! Этот говнюк, извиняюсь, на полном серьезе утверждал, что... подожди-ка, вспомню формулировку... а, вот: «Давайте перестанем наконец лицемерить и назовем вещи своими именами: антисемитизм, презрение к нацменам и шовинизм присущи подавляющей части русского народа». И далее: «Именно там, в народе, они сохраняются на биологическом уровне». Каково?!

– Да, дрянь человек, – согласилась Мария. – Жаль, что такие письма печатают «Известия». Не разгоняйся, сейчас поворачивать будем.

Через минуту свернули в узкую улочку и вскоре подъехали к трехэтажному особняку с коричневыми зеркальными стеклами, возле которого располагалась хорошо оборудованная охраняемая стоянка. Над центральным входом в здание с высоким каменным крыльцом висела сияющая огнями вывеска: «Клуб «Дионис». Чуть ниже, рядом с дверью, красовалась медная табличка: «Дионис-клуб. Вход только по членским карточкам».

Ираклий поставил машину между «шестисотым» «Мерседесом» и «БМВ» последней модели, помог Марии выйти. Он уже заметил входящую в клуб пару: седого элегантного мужчину в прекрасном костюме и молодую девушку в роскошном вечернем платье с накинутым на плечи боа. Костюм мужчины состоял из черного пиджака с атласными отворотами, белого пикейного жилета и черных брюк, в боковые швы которых были вшиты сатиновые ленты. Кроме того, у этого завсегдатая клуба был белый галстук-бабочка, а из нагрудного кармашка торчал уголок белого носового платка. Туфли у него были черные, лакированные, в руках он нес белые перчатки.

Ираклий невольно покосился на свои туфли. Его костюм был неплох, но рядом с фракком этого господина не смотрелся.

Мария поняла настроение спутника, спрятала улыбку.

– Все в порядке, полковник, ты выглядишь не менее элегантно, чем тот фракконосец.

– Меня все равно не пропустят...

– Положись на меня.

К удивлению Федотова, швейцар – безукоризненно одетый вежливый молодой человек – пропустил их в клуб без единого вопроса. Впечатление было такое, будто их здесь давно знали и ждали, в то время как Ираклий был уверен, что и Мария появляется здесь нечасто. Что и подтвердилось вскоре, когда метрдотель – такой же молодой и прекрасно одетый, как и швейцар, усадил их в уголке ресторана клуба. На вопрос Ираклия, бывала ли она в клубе, Мария беспечно ответила:

– Всего второй раз.

Уточнять, с кем она была в «Дионис-клубе» в первый раз, Ираклий не стал и начал осматриваться, пока Мария изучала роскошный бювар меню.

Зал ресторана был небольшим, всего на десять столиков, каждый из которых прятался за красивыми декоративными решетками, увитыми плющом и лианами. Но в зале тем не менее существовал небольшой подиум эстрады, и в настоящий момент на нем находилась какая-то молодая певица с музыкальной группой, исторгавшей мрачное электронное звучание, в которое вплетался великолепный – на четыре октавы! – голос певицы, исполнявшей тягостную песню, чуть ли не плач.

Видимо, чувства Ираклия отразились на его лице, потому что Мария, мельком глянув на эстраду, проговорила:

– Это Рада и ее группа «Рада и терновник». Стоит тебе захотеть, и они перестанут тянуть этот фолк-мотив, перейдут на более веселый репертуар. Или вообще перестанут петь.

Ираклий качнул головой, с любопытством посмотрел на женщину.

– Пусть поют. А ты что же, можешь заставить их не петь? Или просто попросишь уйти?

– Можно и попросить, – сверкнула взглядом Мария. – Что будешь пить?

– То же, что и ты.

– Тогда сначала брют, для аппетита, потом «Шато-Бриан». Закуски будешь выбирать?

– На твое усмотрение. Добавь только тарталетки с паштетом и грибной жульен.

Мария сделала заказ, и они сдвинули бокалы с шампанским.

– За тебя, – сказал Ираклий.

– За наших друзей, которых с нами нет, – сказала Мария, и он почувствовал укол ревности. Егор Крутов незримо присутствовал рядом, где бы ни находился в данный момент.

Рада перестала петь, зазвучала тянущая томная мелодия, в центре зала появилась танцующая пара.

К столику Федотова и Марии подошел довольно упитанный молодой человек в темно-бордовом смокинге. Рубашка на нем была белая, с рюшами, измазанная помадой, сюртук и черный жилет расстегнуты, бархатный черный галстук-бабочка съехал, и было видно, что толстяк изрядно навеселе.

– Разрешите пригласить вас на танец, – обратился он к Марии, не обращая внимания на ее соседа.

– Молодой человек, – не выдержал Ираклий, – вам не кажется, что следует просить разрешения не у дамы, а у ее кавалера?

Заплывшие глазки посетителя клуба переместились на Федотова, но не задержались на нем, скользнули обратно.

– Пошли, потанцуем, мадмуазель.

Ираклий встал, особым образом взялся за локоть парня и повел его, удивленно пискнувшего, попытавшегося сопротивляться, через зал, остановился, когда к ним подскочили два молодых человека весьма специфичной наружности, в которых легко можно было угадать телохранителей. Один из них сунул руку подмышку, второй схватил Ираклия за плечо и, охнув, отступил, держа парализованную руку другой рукой.

– Не трогай пушечку, – проникновенно сказал Ираклий второму атлету, – тебе же дороже обойдется. Забирай своего босса. Нехорошо к чужим дамам приставать.

Ираклий передал обмякшего толстяка в руки телохранителя, и тот повел своего босса к столику, где сидели двое наблюдавших за происходящим пожилых мужчин и средних лет женщина.

– Напрасно вы с ним сцепились, – раздался над ухом Федотова чей-то невыразительный голос. – Это сын Плевина.

Ираклий оглянулся. Рядом стоял официант.

– Кто такой Плевин?

Официант удивленно вскинул брови.

– Гаврила Рафкатович – президент клуба, Вадим – его сын.

– Пусть научится вежливости, – равнодушным тоном сказал Ираклий и вернулся за столик.

– Без драки нельзя было обойтись? – прищурилась Мария.

Ираклий пожал плечами.

– Хамов надо осаживать наглядным физическим образом, а не уговорами.

– Ты еще не понял, что любое насилие бесперспективно? В том числе и применяемое во благо?

– Ситуации бывают разные, – возразил Ираклий. – Убийцу ты не остановишь словом или взглядом.

– Я – остановлю. Но об этом мы еще поговорим. Ты хорошо знаешь приемы рукопашного боя, а что тебя подвигло заняться боевыми искусствами? Когда ты начал заниматься борьбой?

Ираклий вспомнил, как он, будучи в возрасте пятнадцати лет, возвращался с тренировки домой, усталый, но уверенный в своем превосходстве и никого поэтому не боявшийся, и на глухой и довольно темной улице к нему подошли трое ребят года на три-четыре старше. Пока он рассматривал их, самый здоровый из тройки внезапно схватил Ираклия за отвороты куртки и въехал ему головой в лицо, едва не сломав нос. Затем толкнул его на стену дома, так что Федотов крепко врезался затылком, подскочил и еще несколько раз ударил кулаком в живот. Затем подключились двое его корешей, Ираклий упал и, пропустив несколько ударов ногами, потерял сознание.

Именно после этого случая он и начал искать более действенные системы боя, перепробовав многие восточные стили, местные алтайские, самбо, тайский бокс, пока не остановился на тибетской лунг-гом; отец в те времена много ездил по свету, беря с собой сына, а в Южном Китае прожил несколько лет.

– В общем, заниматься борьбой я начал с малолетства, но серьезно – лет в пятнадцать.

– Какую школу закончил?

– Да чуть ли не все наиболее известные, пока не понял, что все это – дзэнбудизм, как выражается Серега Корнеев. Ни одна школа, ни один монастырь не дают знание жизни и реального боя. Все они основаны на традиционной стандартной подготовке, которая требует весьма длительного обучения, в то время как существующие современные центры спецподготовки дают тот же результат, но в гораздо более сжатые сроки.

– Но ведь ты занимаешься по своей методике...

– Лунг-гом не моя методика, это система психофизического совершенствования, передаваемая тибетскими монахами из поколения в поколение. Мне ее преподавал один тибетский монах-отшельник, а ему – его дед, и так далее в глубь веков. Лунг-гому более пяти тысяч лет.

– В таком случае ее исток – русская жива.

– Может быть. Не знаю, – сказал Ираклий, не желая возражать. – Егор показывал мне кое-какие приемы, они действительно близки к тем, что учил я. – Ты ничего не слышал о Братстве Черного Лотоса?

Ираклий задумался, сделал глоток шампанского, ощущая лопающиеся на языке пузырьки.

– Это связано с буддизмом? С кришнаитами?

– Ни с тем ни с другими. В Нижнем появился храм Черного Лотоса, и я подозреваю, что инициатор строительства храма – наш бывший общий враг.

– Легион? Ему-то зачем понадобилось строить храмы, связываться с чужой религией?

– Никто и не говорит, что этот храм связан с религиозным служением. Скорее всего это центр подготовки легионеров, причем официально узаконенный.

– Могу выяснить.

– Не надо... пока. Жди, когда тебя позовут, и поменьше устраивай драк и показательных демонстраций своих возможностей.

Ираклий покраснел, отвернулся, переживая приступ легкой обиды.

– Я и так живу почти что по библейским заповедям, разве что не подставляю вторую щеку. Причем живу с ожиданием *чего-то*. Знать бы, когда это ожидание закончится. Да что мы все обо мне и обо мне? У тебя-то как дела? Решила вопрос с работой?

– Я теперь учитель истории в старших классах нижегородского колледжа «Ломоносовский». Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

– В каком смысле?

– Ты о мобильных отрядах общественной организации «Слово и дело» слышал?

– Я и о самой организации ничего не слышал. Чем она занимается?

– Блюстители нравственности, – усмехнулась Мария. – Сначала они действовали только в Москве, теперь и в других городах появились, в том числе у нас.

– И как же они ее блюдут, нравственность?

– Врываюся в школы, гимназии, где преподают гигиену в период полового созревания, вообще где имеется половое воспитание, и грозят перебить учителей «за разврат», а школы закрыть или поджечь. Их заявление можно прочитать в некоторых газетах националистического толка: «Православные! Если вы стали свидетелями надругательства над православными святынями, если в школах появляются проповедники разврата со своим половым просвещением – немедленно сообщайте нам! Группа быстрого реагирования «Слово и дело» выедет по указанному адресу...» Так они побывали и в нашем колледже. Ворвались в класс впятером, начали материться, выталкивать учительницу, а когда присутствовавший на уроке преподаватель истории вмешался, его ударили, сломали нос... Таким образом я и попала в колледж, заняла его место.

– Круто! – покачал головой Ираклий. – Ребята не понимают, что дискредитируют процесс десексуализации школы. Я недавно слышал по телику выступление детского психолога, она нарисовала совершенно жуткую картину.

– К сожалению, это объективная реальность. Обрати внимание на рекламу на улицах и в транспорте, не говоря уже о газетах, журналах и телевидении, все они пропитаны эротикой и порнографией. Я в колледже проработала всего месяц и то заметила, как непомерно много места в программе занимают разговоры с детьми о безопасном сексе. А семиклассникам даже раздают презервативы! И все это в рамках проекта «Половое воспитание российских школьников».

– Убивать надо! – пробормотал Ираклий, смущенный неожиданно возникшей темой. – Того, кто все это внедряет.

– Тогда начинать надо с Фонда народонаселения ООН, который финансирует проект, и с нашей доморощенной Ассоциации планирования семьи. Идет хорошо продуманная насильственная сексуализация страны, особенно детского пространства, и с этим, несомненно, нужно бороться. Только иными методами, нежели предлагают молодцы из «Слова и дела».

Ираклий покатал по столу шарик из салфетки.

– Я вдруг подумал... а не связан ли этот проект с тем проектом, что разрабатывал наш знакомец Бессараб из Легиона?

– Напрямую, – тихо проговорила Мария, но так, что у Федотова побежали мурашки по спине. – Но это не тема для беседы в ресторане. Угроза традиционным российским семейным ценностям существует, это факт.

Помолчали, ковыряясь вилками в тарелках. Потом Ираклий поднял взгляд.

– Извини, что я так грубо... с этим Плевиным... не подумал о последствиях. Ты ведь могла инцидента и не допустить? Почему не остановила? Проверяла меня?

Мария улыбнулась.

– Ты догадлив, полковник. Тебе пора учиться бесконтактному воздействию на окружающих. Научишься, тоже Витязем станешь.

– Как Егор?

Мария прищурилась, заглядывая в глаза Ираклия, и тот пожалел, что упомянул имя Крутова.

– Егор Лукич сам еще не вполне созрел для деятельности Витязя. Кстати, я чувствую, что ему нужна помощь.

– Могу к нему съездить.

– Я сама поеду. Давай потанцуем?

Они вышли к танцующим парам в центре зала, Мария закинула руки за шею Ираклия, прижалась к нему, и голова бывшего полковника закружилась от запаха ее духов и близости тела. Поискав глазами младшего Плевина с его телохранителями, он увидел их мирно пьющих в окружении роскошных девиц и успокоился. Не испортило настроения даже заявление Марии, что она собирается навестить Крутова. Егор был далеко, в Брянских лесах, а Мария была рядом, в его объятиях, и думать больше ни о чем не хотелось...

Поздно вечером Ираклий возвратился домой, все еще ощущая на губах прощальный поцелуй Марии, пьяный не от вина, а от ощущения *обещания*, которое ему подарила женщина. Жизнь продолжалась, несмотря ни на что, время излечивало все раны, и шансы стать необходимым этой удивительной женщине-берегине, владеющей колдовскими приемами, уже перестали казаться нулевыми. Во всяком случае, Ираклий верил, что все изменится, иначе Мария не приглашала бы его в Нижний Новгород.

Дома он принял душ, разделся, собираясь ложиться спать, и услышал телефонный мям.

Звонил Корнеев:

– Салют, командир. Извини, что поздно, до тебя не так-то просто дозвониться. Целых три часа набираю номер.

– Я был в ресторане.

– Поздравляю. С кем, если не секрет?

– С Марией, конечно.

– Еще раз поздравляю. Передавай ей привет. А звоню я с просьбой: не смог бы ты выяснить, есть ли у вас в Нижнем храмы Черного Лотоса и чем они занимаются?

Ираклий хмыкнул, вспомнив вопрос Марии о Братстве Черного Лотоса.

– По крайней мере, один храм имеется, Мария о нем только что упоминала. По ее впечатлениям это не храм вовсе, а база подготовки боевиков Легиона.

– Уточни, пожалуйста, и сразу сообщи, это очень важно.

– Для кого? Для твоих церковных начальников?

– Для всех нас. Звони, в скором времени встретимся, я собираюсь посетить кое-какие города Центральной России, заеду и к тебе. Чао.

В трубке раздался скрип отключаемого скремблера и гудки отбоя. Подержав трубку возле уха, Ираклий медленно положил ее на рычаг.

Переславль-Залесский ВОРОБЬЕВ

Переславль-Залесский был одним из старейших русских городов, основанным в 1152 году еще Юрием Долгоруким. Построенный как твердыня, защищавшая Ростово-Суздальские земли, он вскоре стал центром самостоятельного удельного княжества. В Переславле родился Александр Невский, откуда он отправился с дружиной защищать Русь от немецких крестоносцев. В начале же XIV века, когда началось второе возвышение Москвы, Переславль-Залесский, разоренный в результате междоусобных княжеских свар, первым присоединился к ней. А в конце XVII века Плещеево озеро, на берегу которого расположился Переславль, стало колыбелью русского флота.

В советские времена город превратился в промышленный центр, затем во время «капиталистической перестройки» увял, как и все небольшие русские городки, однако менее красивым не стал. Это был город монастырей, соборов, церквей, часовен и колоколен. Семья Воробьевых посетила только два монастыря – Горицкий и Никитский, но этого хватило, чтобы проникнуться духом древней русской истории и почувствовать святость этих мест.

Двухкомнатная квартира в Переславле принадлежала родственникам Панкрата по отцовской линии, жила в ней одна бабушка Уля, которая с превеликой радостью приняла внучатого племянника с семьей и с удовольствием начала ухаживать за детьми. Антона отдавать в садик она не захотела, что в общем-то отвечало желаниям Лиды и упрощало самому Панкрату заботы о детях. Настю в школу и из школы он отводил и забирал, не доверяя этот процесс никому.

В начале декабря Лида устроилась работать оператором очистных сооружений Переславля-Залесского и быстро завоевала уважение сослуживцев своей исполнительностью и готовностью помочь любому словом и делом. К тому же она не чуралась черновой работы и поддержала инициативу начальника очистных сооружений развести на опытном участке эйхорнию – уникальное тропическое растение, способное очистить загрязненную любыми стоками воду. Панкрат знал об этом по ее рассказам и жену хвалил, хотя понятия не имел, что такое эйхорния и как она выглядит.

Сам он искал себе работу дольше, пока не остановился на местном рыбзаводе с экзотичным для старинного русского городка названием «Анчоус», где требовался начальник охраны. Удостоверение бывшего офицера ГРУ оказалось достаточной рекомендацией для директора «Анчоуса» Валентина Асламова, который взял Воробьева без лишних расспросов и проволок. Асламов был молод и честолюбив, завод принял в состоянии стагнации и развала и, начав структурную перестройку предприятия в надежде на прибыль, справедливо полагал, что заводу потребуется современная система охраны.

– Планируйте только реальные сроки и цели, – сказал он Панкрату после того, как тот вышел на работу в качестве новоиспеченного начальника охраны. – Не перекладывайте свои заботы на плечи подчиненных и никогда не беритесь за выполнение сложных дел в конце рабочего дня.

Воробьев промолчал.

Директор, невысокий, светловолосый, с живым энергичным лицом, целеустремленный, как и все бизнесмены нового времени, улыбнулся.

– Вы не слишком разговорчивы, Панкрат... э-э, Кондратович, хотя в моих устах это похвала. Я понимаю, что вы человек опытный, битый, однако охрана завода имеет специфику, и вы должны ее знать. Поэтому я рекомендую встретиться с одним из ветеранов этой службы, проработавшим в данной области около пятнадцати лет. Это даст вам необходимую ориентацию.

– Кто он? Бывший работник завода?

– Нет, – с прежней улыбкой качнул головой Асламов, – он бывший работник Федерального управления охраны, занимался проблемами защиты особо важных персон, потом его ушли на пенсию, и теперь он дачник. Зовут его Михаилом Васильевичем Погребко, вот его телефон.

Панкрат позвонил бывшему федералу-охраннику в тот же день, представился, и они встретились в кафе «Соловей» на Советской улице, славившемся тишиной и патриархальным уютом.

Погребко Михаил Васильевич выглядел интеллигентом средних лет, носил бородку и очки в металлической оправе. О его возрасте говорила лишь сеточка морщин под глазами и сухие, с рисунком вен, руки. Сначала он говорил мало, присматриваясь к собеседнику, но рюмка водки сделала свое дело, глаза бывшего ветерана охранной спецслужбы повеселели, и он не без юмора поделился секретами работы личной охраны президента, к которой имел отношение, и принципами деятельности охранных подразделений, занимающихся обеспечением безопасности всякого рода важных объектов.

– Учти, майор, – перешел на «ты» Михаил Васильевич, – почти во всех случаях нападения на клиента первым стреляют в телохранителя, поэтому, чтобы выжить, тебе придется использовать мозги гораздо чаще, чем оружие или защитную тактику.

– Да я не собираюсь работать телохранителем, – осторожно сказал озадаченный вступлением Панкрат. – Мне поручили охрану рыбзавода...

– Слушай и мотай на ус, в жизни потом пригодится. Рыбзавод – тот же клиент, только неподвижный, но защищать его надо практически так же, как живого человека. Хорошее планирование и организация наблюдения помогут тебе справиться с половиной проблем, а бдительность, решительность и умелое прогнозирование утечек – с оставшейся половиной. Даже если ты считаешь себя настоящим суперменом, умение стрелять, владение рукопашкой и хорошие рефлексy едва ли пригодятся в твоей деятельности. Хотя если ты всем этим владеешь, тебе цены не будет, понял?

Панкрат кивнул, вспоминая Егора Крутова и подумав при этом, что настоящие супермены, профессионалы, как Егор, платят за свое суперменство чересур большую цену.

– А наезжать будут все, кому станет невыгодна твоя инициатива, от бандитов до милиции и местных чиновников, пользующихся своими каналами добычи икры и свежей рыбки...

Бывший спец ФУО оказался прав. Уже через два месяца после вступления Воробьева в должность и организации им компьютеризированной линии охраны стали проявляться первые признаки недовольства его работой, и первыми инициаторами конфликтов оказались именно чиновники местных органов власти – администрации города и Законодательного собрания.

Сначала при попытке пронести через проходную три килограмма икры в пластиковом пакете был задержан водитель «Мерседеса» главы администрации Переславля Сенчукова, пригрозивший пожаловаться боссу за экспроприацию. И он-таки действительно пожаловался, потому что уже через два часа Воробьева вызвал Асламов и сказал с неизменной полуулыбкой:

– Телега на вас пришла, Панкрат Кондратович, мэр звонил, жаловался на «хамские» действия ваших церберов.

– Этого следовало ожидать, – пробурчал Панкрат. – Раньше-то все эти деятели, наверное, проходили на завод запросто, как к себе домой.

– Продолжайте в том же духе, но все в рамках закона, и мы останемся чистыми.

Однако оставаться чистыми становилось с каждым днем все труднее. Чиновники не хотели мириться с потерей дармового «подсобного хозяйства», каковым считали рыбзавод на берегу Плещеева озера, и начали обхаживать нового начальника охраны, пока дело не дошло до угроз.

Вторым задержали на многострадальной проходной депутата городской Думы Фрумкина, который спокойно выносил в портфеле десять банок черной икры. Реакция председателя собрания последовала незамедлительно: он назвал этот акт провокацией и потребовал от Асламова разобраться с охраной завода, а начальника сменить. Затем начали задерживать не только любителей поживиться на халяву, но и воров, пытавшихся проникнуть на территорию завода, а также работников предприятия, в былые времена свободно проносивших рыбу через проходную или же сквозь дыры в заборе. Ограждение к этому моменту уже отремонтировали, Панкрат расчистил коридоры вдоль забора и установил электромагнитные датчики, срабатывающие при появлении людей.

Вот тут уж переполох в стане «расхитителей социалистической собственности» поднялся изрядный. Завод перестал быть кормушкой для воров, спекулянтов, высокопоставленных лиц и других любителей поживиться за чужой счет. Панкрату стали звонить, угрожать, на территории завода к нему несколько раз подходили старые работники и советовали не закручивать гайки, а за территорией пытались «поговорить» по-другому, то есть попросту говоря – избить или покалечить. Правда, все эти попытки заканчивались одинаково, нападавшие не представляли себе, с кем имеют дело, и действовали по давно разработанной схеме, просто и нагло, надеясь напугать клиента напором и силой.

Девятого апреля, в пятницу, Панкрат заехал на своем белом «Судзуки-Витара», который оставил ему «в наследство» Ираклий Федотов, в автосервис на Протечной улице, чтобы сменить зимнюю резину на летнюю, только собрался вылезти из кабины, как вдруг к машине подскочил какой-то молодой парень с длинными волосами и, показав длинный нож, даже не нож – тесак, прошипел:

– Убирайся отсюда, охранник хренов! Здесь тебя обслуживать больше не будут.

Панкрат внимательно глянул на испитое лицо парня и вспомнил: длинноволосый входил в свиту заместителя мэра города по строительству и присутствовал при задержании охраной рыбзавода всей делегации, выносившей в портфелях все ту же икру. Скандал тогда получился большой, и разъяренный зам главы администрации унижения наверняка не простил.

– А это еще кто с тобой? – посмотрел Панкрат за спину длинноволосого.

Тот оглянулся и через две секунды лежал лицом вниз на асфальте с вывернутой рукой.

К Панкрату бросился еще один мужчина, средних лет, в дорогом костюме, судя по всему приятель длинноволосого, но Воробьев вытянул в его сторону отнятый у парня тесак и проникновенно сказал:

– Я тебя умоляю, любезный! Не поднимай шум, тебе же дороже обойдется. Забирай своего кадета и убирайся отсюда.

Мужчина остановился, прикидывая свои возможности, нагнулся к поверженному спутнику и помог ему подняться. Уходя, длинноволосый оглянулся и процедил сквозь зубы:

– Я тебе это припомню, паскуда! Если сам не уедешь из города, мы тебе...

Панкрат шагнул к нему, и пара поспешила испариться со стоянки на «сотой» «Ауди». Работники автосервиса, наблюдавшие за происходящим, бросились к машине Воробьева и быстро привели ее в порядок, проявив к водителю подобающее случаю уважение.

А на следующий день произошло еще одно событие, заставившее Панкрата задуматься не столько о своей собственной безопасности, сколько о безопасности семьи. Еще свежи были в памяти все перипетии с освобождением детей из рук похитителей-легионеров на острове Городомля под Осташковом.

По заданию Лиды Панкрат поехал по магазинам города, чтобы купить пару небольших деревянных табуретов для детей и книжную полку, остановился у первого же мебельного магазина недалеко от бывшего Гостиного двора, а когда вышел с полкой в руках – увидел, как присевший возле его джипа мальчишка лет четырнадцати пытается проколоть шины гвоздем.

Неподалеку стояли двое парней, наблюдая за его «работой», но оценивать их бездействие Панкрату было некогда, он метнулся к джипу и, присев за спиной мальчишки, самозабвенно трудившимся над дыркой в мощном колесе «Судзуки», участливо спросил:

– Что, не получается?

Мальчишка дернулся, оглянулся, глаза его расширились, он попытался проскользнуть мимо Панкрата, но был пойман за ухо и заныл:

– Дяденька, я не хотел, отпусти, меня попросили...

Панкрат отобрал гвоздь, заточенный, как шило, покачал головой.

– Ничего себе зубочистка! Кто тебя попросил?

– Эй, козел, отпусти пацана, – раздался сзади угрожающе-зловный голос. – Чего к детям пристаешь?

Панкрат оглянулся, не выпуская ухо малолетнего хулигана.

Он знал, что сейчас по городу распространилась мода протыкать колеса «крутых» и не очень автомобилей, а потом требовать у их владельцев дополнительную плату «за охрану», однако здесь явно был не тот случай.

К нему подходили те самые молодые люди, которые до этого спокойно наблюдали за «творческой» деятельностью прокалывающего колеса мальчишки. Панкрат встряхнул хулигана за шиворот:

– Они тебя просили?

– Ой!... пусти!.. ой, больно!.. они это...

– Беги и больше не делай этого, даже если тебе хорошо заплатят. Я человек добрый, а найдется такой, что все кости переломает.

– Эй, тебе говорят, рыбозащитник!

Панкрат отпустил мальчика, юркнувшего в подворотню, прищурился, разглядывая подходивших здоровяков, абсолютно точно знавших, кто он такой, судя по реплике, и одновременно фиксируя боковым зрением передвижение еще одной пары мужчин, постарше возрастом, посolidнее и получше одетых. Он уже понял, что «наехали» на него не простые «урки», а «шестерки» каких-то влиятельных господ, недовольных положением на рыбзаводе. И еще одного человека заметил Панкрат, с интересом следившего за развитием событий: высокого монаха в черной рясе с бляхой на груди.

– Привет, бандиты, – сказал Панкрат с издевкой. – Что же вы сами-то колеса боитесь протыкать, мальцов посылаете? Блюстителей порядка из себя корчите?

– Ах ты, сучий потрох!.. – начал было один из приблизившихся здоровяков.

Второй остановил его, достал из кармана малинового цвета книжечку с тисненым двуглавым орлом.

– Прошу пройти с нами, гражданин.

– Ух ты, как страшно! – усмехнулся Панкрат. – А ключи от квартиры, где деньги лежат, вам не нужны? Или ваши аппетиты распространяются дальше – до территории рыбзавода?

– Дай я его сделаю, Мавр! – взвился первый.

Второй, чернявый, смуглый, чем-то действительно напоминающий Отелло, помахал своим удостоверением.

– Не усугубляйте свое положение, гражданин. Вы подозреваетесь в угоне джипа марки «Судзуки-Витара». Пройдемте в отделение.

– Чтоб тебя!.. – изумился Панкрат, поглядывая одним глазом на подходивших мужчин другой пары и уже понимая, что они ждут начала потасовки, чтобы зафиксировать «нападение на блюстителей порядка при исполнении ими служебных обязанностей». – А ордер на задержание у вас есть?

Парни переглянулись.

– Будет.

– Вот когда будет, тогда и пройдем в ваше отделение, а пока адью. – Панкрат сел в кабину. – Кстати, вожу я этот аппарат по доверенности, которую не раз предъявлял инспекторам. Заодно хочу предупредить: если кто-нибудь невзначай проколёт шины джипа, первыми я буду подозревать вас.

– И что будет? – поинтересовался здоровяк с удостоверением сотрудника милиции.

– Кости поломаю, – дружески улыбнулся Панкрат. – Ей-богу, делать это я умею. – Он тронул машину с места и остановил, заметив жест одного из мужчин второй пары, мордатого, с отвисшими щеками и водянистыми глазками неопределенного цвета.

– Жалуются на тебя, Воробьев, – сказал мордатый, подойдя ближе. – Не можешь ты работать с людьми.

– А ты кто будешь, любезный? – в том же тоне полюбопытствовал Панкрат.

– Я начальник УВД города подполковник Скворешня.

– И кто же тебе сообщил, что я не умею работать с людьми?

– Слухами земля полнится. Да ты не скалься, как параша, директор рыбзавода тебя не защитит, если что.

– Так бы сразу и сказал, – хмыкнул Панкрат, – что тебе нужен прямой доступ к черной и красной икорке, а я – что кость в горле, не так ли?

– Рискуешь крупно, – покачал головой мордатый начальник УВД. – Не брались за тебя еще по-настоящему.

– А ты возмись. – Панкрат сдал чуть назад, чтобы развернуться. – Может, что и выйдет. Только и я ведь в долгу не останусь, господин подполковник.

– Ну, смотри...

– Да уж посмотрю. – Панкрат резко взял влево, заставляя всю четверку представителей местной власти отскочить прямо в лужу перед магазином, и поехал по своим делам, сопровождаемый внимательным взглядом монаха.

Однако уговорами давление на него не ограничилось. В дело вступили бандиты, чьи интересы также ущемил Воробьев своей бдительностью и неподкупностью.

Семья Воробьевых не любила традиционных развлечений: посиделок в барах и ресторанах, толкотни дискотек и хождений по театрам, – все ее желания были направлены на воспитание детей, а отдыхать они предпочитали на природе, изредка позволяя себе водить детей в цирк или в зоопарк. В воскресенье одиннадцатого апреля они так и сделали: взяли детей и поехали в городской зоопарк, посмотреть на медведей, волков, лис и на единственное экзотическое животное, достопримечательность зоопарка – бегемота Мотю. Особенно любил наблюдать за Мотей Антон, которого поразила «каменная» туша с огромной пастью.

Вообще, Антон, которому в мае должно было исполниться шесть лет, очень здорово напоминал Панкрата в детстве, и это их родство детских отношений к жизни очень скоро помогло Воробьеву завоевать симпатии малыша. Отцом тот стал звать Панкрата еще прошлой осенью, буквально через месяц после переезда из Брянской губернии в Осташков, и слушался его гораздо охотнее, чем родную мать.

Панкрат, рассаживая детей в кабине джипа, улыбнулся, вспомнив реплику Антона:

– Пап, купи мне водяной пистолет.

– Зачем он тебе?

– Всех мочить буду!

– Всех не надо, – сказал Панкрат, отсмеявшись и подумав, что сын, к счастью, не знает второго смысла слова «мочить».

К зоопарку они подъехали в начале двенадцатого, когда солнышко уже прогрело землю и стало тепло почти по-летнему. Купили входные билеты, прошли на территорию и больше часа бродили между клеток среди таких же любителей животных, в основном детей, а в самом дальнем конце парка, представлявшем собой кусочек леса, на Панкрата налетели трое парней,

выждав, как им показалось, самый удобный момент и выбрав самое удобное место. Однако Панкрат был готов к этому нападению, следуя заповедям телохранителя особо важных персон, которыми для него были жена и дети.

В создавшемся положении ему недоступны были ни второй, ни третий уровни охраны, то есть техническая поддержка и предварительный сбор информации, позволяющий предвидеть проблемы и гибко избегать конфликтов, поэтому все свое внимание он сосредоточил на первом уровне – реагировании на непосредственную угрозу и создание препятствий для потенциальных нарушителей спокойствия. Он сразу выделил идущего за ними молодого человека в кожаной куртке и солнечных очках, а когда заметил еще двух таких же впереди, понял, что за ним следили и подготовили встречу. Не стоило тешить себя надеждой, что трое «кожаных», здоровых, коротко стриженных парней тоже пришли в зоопарк для культурного отдыха.

Помня наставления Михаила Васильевича Погребко (как быстро понадобились его советы, прямо мистика какая-то!), что профессиональный телохранитель главный акцент делает на предотвращение нападения на клиента, одновременно продолжая подготовку к отражению готовящейся атаки, Панкрат остановил жену с детьми у вольера с зайцами, сказал ей с подмигиванием: идите потихоньку обратно, я сейчас схожу в кусты, а то живот переполнен, – и быстро свернул в тупик зоопарка, за пустую будку сторожа, с удовлетворением отметив, что вычисленная им тройка амбалов в очках не обратила на детей и жену никакого внимания, а сразу кинулась за ним.

Но «клиент» оказался более резвым, чем они себе представляли, хотя и были вооружены кастетами и ножами.

Первого Панкрат встретил «копытом лошади» – ударом в грудь, отбросившим его в кусты перед решеткой забора. У второго сорвал очки и воткнул в глаз палец. Третий попытался зацепить его ножом, получил перелом кисти, взвыл и потерял сознание.

– Кто послал? – нагнулся Панкрат к присевшему и державшемуся за глаз амбалу, сделав свирепое лицо.

Тот вжался спиной в стенку будки, торопливо заговорил:

– Мы обознались... случайно... подумали, что ты один из них...

– Кого – их?

– Конкурентов...

Панкрат замахнулся.

– Говори правду! Язык в глотку вобью!

Парень сполз на землю.

– Абрек приказал попугать... Ходжиев... Аслан Абрекович.

– Кто он?

– Рыбой торгует...

– Передай своему Абреку, что в следующий раз я его холуев не пожалею. Понял?

Здоровяк торопливо закивал, продолжая прижимать ладонь к глазу.

– Панкрат! – послышался из-за кустов аллеи голос Лиды.

Воробьев ткнул пальцем в лоб порученцу Абрека, решившего проучить строптивого начальника охраны рыбзавода, и вышел к ожидавшей неподалеку жене.

– Что ты так долго? – спросила она подозрительно.

– Очередь была, – с улыбкой пожал плечами Панкрат, решив ничего ей не говорить. Конечно, Лида знала о проблемах мужа, возникающих на работе, но, поскольку он выдавал ей информацию дозированно, полной картины происходящего не представляла. Пугать же ее не хотелось, она и так пережила такой удар по психике, что многие на ее месте вряд ли выдержали бы, к тому же Воробьев надеялся со всеми своими трудностями справиться сам.

Домой он ехал в минорном настроении, односложно отвечая на реплики Лиды, что, естественно, было тут же замечено.

- Что молчишь, Воробьев? – забеспокоилась Лида. – Сидишь как в воду опущенный.
- Думаю, – встрепенулся Панкрат.
- О чем?

– Ты знаешь, что в Иране есть закон, предусматривающий смертную казнь за недостойный образ жизни?

- Не знаю. Что, правда? Я считала, что иранцы казнят только за оскорбление Аллаха.
- Точнее – за несогласие с Богом. Вот бы у нас ввести такие законы...

Лида с тревогой посмотрела на мужа, прикрикнула на расшалившихся детей на заднем сиденье, и Панкрат, видя, что жена начинает нервничать, перевел разговор на другую тему:

- Как там твоя знаменитая эйхорния? Растет?

Лида успокоилась. Разговор о тропической траве, очищающей воду, был ей приятен.

– Сейчас только начало весны, еще прохладно, а эйхорния тепло любит. В мае высадим в отстойники второго цикла. Но ты знаешь, мы ее развели в крытом зале канализационного слива, и теперь там нет никакого зловония! Эйхорния справляется с любой грязью! К тому же мы запланировали разведение травы для получения биогумуса, продавать будем как удобрение садоводам и огородникам, копейка самостоятельная появится...

Она еще что-то говорила, но Панкрат не слушал, думая о том, что ему *нигде* не будет покоя. Всю жизнь он был человеком боя, сражаясь с обстоятельствами и врагами не ради самого боя, а за принципы справедливого воздаяния, за честь и достоинство человека, за процветание государства, которое в конце концов вышвырнуло его на обочину «магистрального пути развития капитализма» и превратило в боевую машину, вынужденную драться постоянно. В том числе – с самим государством, которое до сих пор свято блюло принцип: государство – все, человек – ничто! Винтиком же этой госмашины Панкрат быть не хотел.

Вспомнились строки незабвенного Хайяма:

Чем за общее счастье без толку страдать —

Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.

Лучше друга к себе привязать добротой,

Чем от пут человечество освобождать.

– Что? – переспросил Панкрат, догадавшись по сдвинутым бровям Лиды, что она задала вопрос.

– Ты меня не слушаешь, – рассердилась она. – Может быть, заедем на рынок, овощей купим?

– Конечно, заедем, – согласился он, отбрасывая свои невеселые мысли. Не стоило решать проблему до ее возникновения, а то, что он способен ради семьи «наступить на горло собственной песне», бывший майор Службы внешней разведки знал абсолютно точно.

Приехали они домой как раз к обеду. Лида принялась хлопотать на кухне, разогревая еду, Панкрат с удовольствием занялся с детьми, а еще через несколько минут к ним появился неожиданный гость – молодой монах в черной рясе с медальоном на груди, на котором был вычеканен лотос.

Жуковка КРУТОВ

Он не горел особым желанием вступать в конфликт между фермерами и «заготовителями» Бориса Мокшина, терроризировавшими всю округу и платившими милиции за невмешательство, но в конце концов согласился на уговоры мужиков помочь. Душа жаждала справедливости, и чувствовать себя свободным от всех обязательств, жить по пословице: «Моя хата с краю» – Крутов не мог и не хотел.

Ранним утром в понедельник двенадцатого апреля он встал, стараясь не разбудить спящую жену, тихонько сделал зарядку, оделся и вышел во двор, чтобы завести машину. Дед Осип еще спал, но баба Аксинья уже хлопотала во дворе, готовила корм для кур и выводила корову.

– Куда в такую рань? – всполошилась она. – А блины?

– Я скоро приеду, – успокоил ее Егор. – Готовь блины, давно не ел со шкварками.

Он вышел в огород, над которым стлался туман, что предвещало хорошую погоду днем, и, залюбовавшись акварельным – сквозь белесую туманную вуаль – пейзажем, вспомнил чьи-то строки:

В тумане утреннем неверными шагами
Я шел к таинственным и чудным берегам.
Боролася заря с последними звездами,
Еще летали сны – и схваченная снами
Душа молилася неведомым богам².

Усмехнулся про себя с тоской и обреченностью. Душа жаждала любви и ласки, скорейшего выздоровления Лизы, хоть какой-то определенности и устойчивости, и покорное рутинное движение по жизни было ей противно.

Из Ковалей он выехал в семь утра, а в Фошню приехал через четверть часа. Шурин деда Осипа Константин Яковлевич с двумя мужиками ждал его возле серой «Волги» напротив здания бывшего сельсовета, где теперь располагались сельская управа, офис местного коммерсанта, торгующего всякой всячиной, и контора агрофирмы «Медвежий угол».

– Все готово, Егор Лукич, – пробасил Константин Яковлевич, с сомнением глядя на Крутова. – Они скоро подъедут. Но ты один, а я думал, приедешь с друзьями. Мы, конешное дело, подмогнем, однако надежи мало.

– Не беспокойся, Яковлевич, – усмехнулся Крутов. – Не воевать едем, а вразумлять. От наглецов все равно надо когда-то защищаться.

– Так-то оно так, – поскреб в затылке шурин Осипа, – да жисть наша пятак. – Махнул рукой. – Поехали, коли уж собрались, может, что и сладим.

– Я за вами.

Ферма агрокомплекса располагалась в километре от Фошни, на более высоком берегу речки Березны. Егор ожидал увидеть полуразвалившийся сарай, грязь, разруху, обычный деревенский беспорядок, а увидел асфальтовые дорожки, длинное беленое строение, огороженный выгон, несколько миниатюрных сарайчиков, светящихся свежим деревом, угрюмоватое кирпичное здание, небольшую водокачку. Автопарк фермы состоял из двух тракторов, двух погрузчиков и десятка мини-тракторов, приспособленных для уборки навоза, вспашки и развоза кормов.

² Владимир Соловьев (1853—1900) – русский поэт, философ, публицист.

У ворот фермы стоял небольшой грузовичок с открытым задним бортом, двое мужиков возились в кузове, отмывая его до блеска струей воды.

– Где ваш драгоценный груз? – спросил Егор, поставив джип возле «Волги» заведующего фермой.

– На прицепе возле бойни, – показал Константин Яковлевич на кирпичное строение в сотне метров. – Мы свою бойню сварганили. Они прямо туда подъезжают.

Крутов вылез из машины, не чувствуя никакого волнения или напряжения. Мир вокруг был тих и спокоен, поднявшееся солнце приятно грело кожу лица, пели птицы, в воздухе чувствовалась весна, несмотря на специфические запахи фермы, и не верилось, что где-то разрабатываются планы бессовестной наживы, а кто-то эти планы исполняет.

– Надень сапоги, – посоветовал Константин Яковлевич. – У меня в машине есть лишняя пара. Хошь, принесу?

Егор посмотрел на свои осенние ботинки, махнул рукой.

– Пройду и так, потом почищу.

Выбирая места посуше, они прошли по заляпанной черноземом асфальтовой дороге до низкого здания бойни, и Егор сразу почувствовал запах сырого мяса, крови и тяжелую психическую атмосферу этого места. Плотное облако неслышимого *смертного* крика окружало бойню, так что хотелось зажать уши руками и бежать отсюда куда глаза глядят, хотя Крутов при этом понимал, что в данном случае смерть животных дает жизнь людям.

Он зашел в помещение, затаив дыхание, бегло оглядел стойла с приспособлениями для подъема туш, столы для их разделывания и вышел.

– Многих с непривычки воротит, – усмехнулся Константин Яковлевич. – Я тоже не сразу привык. Так ведь никуда не денешься, жить надо.

– Едут, – подошел к ним шофер грузовичка, вытирая руки ветошью.

Остальные работники фермы подтянулись поближе к своему начальнику и его гостю, поглядывая то на Егора, то на приближавшиеся «Газели». Крутов в расстегнутом пальто стал к ним лицом, расставил ноги, сунул руки в карманы и стал ждать.

Грузовички реализаторов развернулись задом к прицепу, из них вылезли по двое парней – водитель и сопровождающий, двинулись к группе мужиков, поеживаясь, похохатывая, кидая незамысловатые шутки, с удивлением разглядывая молчаливую группу рядом с прицепом. Не доходя до нее десятка шагов, они остановились.

– Эй, колхознички, – с некоторым сомнением в глазах сказал один из них, весь в коже, с наголо обритой головой. – Вы чего стоите? А ну-ка за работу, грузите продукцию.

– Подойди ближе, – негромко сказал Крутов, но так, что бритоголовый вздрогнул, оглянулся на своих приятелей и, вдохновленный их присутствием, пренебрежительно оглядел Егора.

– Ты кто такой, дядя?

– Начальник охраны фермы, – тем же тоном ответил Крутов. – Убирайтесь отсюда, и чтобы духу вашего здесь больше не было!

– Чего?! – изумился бритоголовый. – Какой еще начальник охраны? Что ты мне мозги компостируешь?! Здесь охраны отродясь не было!

– Теперь будет.

– Да пошел ты! Отойди в сторону и не мешай работать, пока мы тебя не уронили... начальничек. – Он хохотнул.

Парни заржали.

Крутов остался стоять на месте, только глаза его стали светлеть до желтого свечения. Бритоголовый встретил его взгляд и невольно поежился, но тут же встряхнулся, расправил плечи.

– Степа, ну-ка разберись с охраной, а вы помогите мужикам грузить мясо, опаздываем уже. К Егору двинулся могучий молодой человек в ветровке, чуть не лопающейся на широких плечах, белобрысый, с короткой стрижкой и перебитым носом. Достал на ходу нунчаки, картинно кинул их вокруг себя. Когда до него осталось два шага, Егор, не вынимая рук из карманов пальто, поймал просвет в крутящихся нунчаках и носком ботинка ударил парня в колено. Тот охнул, выпустил свое оружие и схватился за ногу.

– Стоять! – сказал Егор остальным «экспроприаторам». – Я не шучу. Убирайтесь отсюда подобру-поздорову! Здесь для вас халява закончилась. Советую вообще убраться из района, пока еще есть возможность избежать тюремных нар.

– Ах ты, курва! – оторопело выговорил бритоголовый. – Да мы же тебя в говно закопаем и навозом сделаем! На поле похороним и капусту поседем!

– Капусту не сеют, а сажают, – равнодушно сказал Крутов и вдруг оказался рядом с вожаком «продотряда», раздалась звонкая пощечина, бритоголовый отлетел в сторону, хватаясь за щеку, осел на подогнувшихся ослабевших ногах.

Все замерли, глядя на эту картину, не веря глазам, но больше всех были поражены мужики, работники фермы, схватившиеся было за вилы и лопаты.

– Больно? – участливо спросил Егор, наклоняясь к самоуверенно-хамоватому лицу бритоголового, на щеке которого рдели отпечатки пальцев. – А могло быть еще больнее. Вам помочь дойти до машины или сами справитесь?

Бритоголовый открыл рот, чтобы выругаться, но встретил светящийся тигриной желтизной взгляд Крутова и прикусил язык. Махнул рукой стоявшим в нерешительности спутникам.

– Поехали. – Садясь в кабину «Газели», он прошипел в сторону оставшегося на месте Егора: – Мы еще встретимся, дядя! Небо с овчинку покажется! Борька тебе этого не простит.

– Передай своему Борьке, что я сам его навещу, – усмехнулся Крутов, мимолетно подумав: не слишком ли много обещаний навещать я даю? Добавил: – И брат ему не поможет.

«Газели» взревели моторами, уехали. Стало тихо.

– Ты даешь, Лукич! – хлопнул себя по ляжкам опомнившийся Константин Яковлевич. – Где таким приемчикам научился?

– В школе, – ответил Егор. – Когда вы повезете мясо в следующий раз?

– В пятницу али в субботу.

– Я подъеду.

Шурин Осипа почесал затылок.

– Оно, конечно, спасибо, Егор Лукич, только эта шишголь³ вернется, а я тебе за охрану много платить не смогу.

– Ничего не надо, – засмеялся Крутов. – Мне за родную землю обидно, что такую шваль носит.

– Я было ружье приготовил...

– А вот этого делать не надо, Яковлевич. Им ничего не стоит спровоцировать тебя и засудить. Да и вооружены они лучше. Ничего, справимся и так.

Вернувшись к машине, Крутов почистил ботинки, полупальто и поехал обратно к себе в Ковали. Еще не было восьми, на работу в Жуковку ехать было рано, он мог три часа побыть с Елизаветой.

На душе скребли кошки, он понимал, что «экспроприаторы» просто так не отстанут, свое прибыльное грабительское ремесло не бросят, а попытаются пригрозить – ему и фермерам, и надо было готовиться к длительной холодной войне, вполне способной перерасти в горячую. И все же Егор был доволен своим вмешательством в это «мясное» дело. Перед мысленным взором стояло лицо Константина Яковлевича, потомственного крестьянина Жуковского уезда,

³ Шишголь – голь, сброд (ст. – рус.)

всю жизнь горбтившегося на чужого дядю, почувствовавшего себя хозяином и вынужденного защищать свою свободу. В глазах шестидесятилетнего мужика теснились радость и сомнение, и Крутов пообещал самому себе, что постарается эти сомнения развеять.

Оказалось, встали уже все.

Аксинья пекла блины, Осип во дворе колол дрова. Лиза тоже поднялась и, как только Егор остановился возле ворот, выскочила из дома в домашнем халате, простоволосая, взмахнув широкими рукавами, как крыльями, бросилась мужу на грудь.

– Не бросай меня одну! Мне страшно! Показалось, что на тебя напали...

– Ну что ты, родная, – с дрожью в голосе ответил Егор, обнимая жену. – Как я тебя могу бросить? Просто уезжал по делам. Никто на меня не нападал, просто поговорили по делу...

– Неправда, я чувствую... – Объятия Лизы ослабели, она снова погасла, уходя мыслями в свой обособленный мирок, и, уронив руки, побрела обратно в дом.

Крутов поддержал ее под локоть, с болью в сердце замечая, как она ослабла, и вдруг до него дошло, что сказала Елизавета: *я чувствую...* Это могло означать только одно – она потихоньку приходила в себя, на короткие мгновения выходя из трансовой отрешенности. Нужен был какой-то толчок, который окончательно вырвал бы ее из этого полубессознательного состояния, вернул бы ей вкус к жизни, но как это сделать, Егор не знал.

Они позавтракали блинами с обещанными шкварками, попили топленого молока, и Крутов повел жену на прогулку. Подобные утренние променады стали регулярными, они благотворно сказывались на настроении и здоровье Лизы, и Егор ради этого был готов гулять хоть сутками.

Обычно они обходили пруд, шли протоптанной в снегу тропкой вдоль опушки леса до мостика через Добрушку и возвращались по дороге, но теперь снег почти весь растаял, берег пруда стал топким, дерн на опушке леса впитал воду и тоже стал непроходим, поэтому Егор повел жену вдоль деревни, по дороге, чтобы постоять на мостике и полюбоваться на текущую поверх льда воду. Елизавета молчала, глядя под ноги и изредка вскидывая глаза на пейзаж по обе стороны дороги, не отвечая на соболезающие взгляды встречавшихся односельчан, знавших о ее болезни. Егор же обстоятельно рассказывал жене о посещении фермы, опуская некоторые подробности встречи с «экспроприаторами» Бориса Мокшина. Он уже подметил, что его речь воспринимается Лизой как необходимое успокаивающее средство, и старался поменьше молчать.

Они прошли через деревню, поднялись на мостик через ручей, возле которого Крутов в позапрошлом году впервые столкнулся с Елизаветой. Журчание воды действовало завораживающе на обоих, и Крутов замолчал, прислушиваясь к себе: показалось, что по спине прошлась чья-то холодная влажная лапа. И в это время из-за поворота дороги показался черный «Хаммер», похожий на бронетранспортер. Проехав стоящую на мосту пару, он затормозил, из кабины вышли на дорогу двое здоровых парней в кожаных куртках, за ними, потягиваясь, вылез давний знакомец Егора Георгий Владиславович Мокшин, бывший мэр Брянска, бывший муж Елизаветы, располневший, отпустивший усики, одетый в темно-зеленый костюм в полоску и светлый плащ нараспашку.

– Надо же, какая встреча, – с ленивым удивлением проговорил он, окидывая Крутова оценивающим взглядом, перевел глаза на Лизу. – Мне говорили, что вы вернулись, да все не было окаянии поприветствовать вас в родных местах. Как дела, Элизабет?

– Хорошо, – безучастно ответила Лиза, мельком посмотрев на бывшего мужа, и снова стала смотреть на воду.

– Это хорошо, что хорошо, хотя выглядишь ты не очень счастливой. Муж не удовлетворяет, что ли? У нас сегодня вечеринка, у брата день рождения, будем жарить шашлык, приходи вечером.

Лиза не ответила.

Мокшин нахмурился, подошел ближе, ведя за собой, как на поводке, своих телохранителей, бросил на Егора неприязненный взгляд.

– Что это с ней?

– Она больна, – негромко ответил Крутов, собираясь на всякий случай обезвредить телохранителей бывшего мэра, хотя уже понял, что Георгий пока не знает о том, что он вмешался в дела его брата.

– Чем больна?

Крутов взял Елизавету под руку, молча повел с моста к деревне.

– Эй, полковник, – окликнул его Мокшин, – не боишься, что тебя однажды встретят «крутые» ребята? Ты ведь здесь совсем один?

Егор обернулся, глаза его вспыхнули желтым огнем, так что Георгий вздрогнул.

– Я не один, Жора, полдеревни – мои родственники. И вот что я тебе посоветую, дружище: забирай-ка ты своего братца-бандита и уезжай отсюда. Навсегда. Не дай бог наши дороги опять пересекутся!

Повернувшись, Егор повел Лизу по дороге, чувствуя спиной три недобрых взгляда. Но Георгий еще помнил, чем закончилась их последняя встреча в Брянске, и действовать наглее не решился.

«Хаммер» зарычал, промчался мимо, едва не обдав грязью идущую по обочине пару.

Крутовы вернулись домой, Егор самолично сварил кофе, и они посидели полчаса в тишине веранды, прислушиваясь каждый к своим ощущениям.

Внутри Елизаветы тихо играла странная, «электронная», печальная музыка, которую с недавних пор стал *слышать* Егор, и мелодия эта почти не менялась, красноречиво говоря о состоянии жены. Это была музыка отсутствия желания жить, изменялась она лишь в редкие моменты их близости, которые становились все реже и реже. Лиза не сопротивлялась, когда у Егора появлялось желание, но удовольствия не получала, а принуждать ее Крутов не хотел.

Поцеловав жену, он поговорил с Осипом, предупредил, чтобы тот не отходил от Лизы ни на шаг в связи с прибытием Мокшина, и с тревогой в сердце поехал в Жуковку. Угроз наподобие той, что кинул ему Георгий, он не боялся, однако понимал, что впереди его и Лизу ждут неприятности. Вряд ли братья Мокшины смирятся с попыткой ограничения их бизнеса, а Егор действительно был один. Сломать систему криминальной «экспроприации» продуктов у местного населения в одиночку было невозможно. И все же бежать отсюда не хотелось. Мысль позвать на помощь Панкрата Воробьева или Ираклия Федотова, мелькнувшая после встречи с Мокшиным, постепенно обретала качество необходимости. Уже подъезжая к школе, Егор решил после тренировки позвонить в Нижний Новгород и поделиться с Ираклием своими опасениями.

Однако после занятий с ребятами его ждал ошеломляющий сюрприз.

Позанимавшись после окончания тренировки в пустом зале самостоятельно, он вымылся в душе, начал было переодеваться в тренерской и вдруг почувствовал едва слышимый звон: будто кто-то коснулся пальчиком хрустального графина, и тот нежно зазвенел. «Графином» в данном случае был сам Крутов, а «пальчиком» его трогала... Мария!

Она вошла в комнату без стука и остановилась на пороге, разглядывая Егора, застегивавшего рубашку. Умопомрачительно красивая, стройная, с высокой грудью, яркими зовущими глазами и летящими бровями. Молчание длилось несколько мгновений, пока их взгляды погружались друг в друга и искали резонансные струны душ, затем оба одновременно шагнули вперед и обнялись.

Волна неистового желания ударила в голову, затуманила сознание, закружила, понесла в жар и холод вулкана эмоций. Не осознавая, что делает, Егор жадно приник к губам женщины, начал срывать с нее плащ, расстегивать пуговицы на кофточке, не встречая сопротивления, не в силах сдержаться, раздел, чувствуя под пальцами упругую вздрагивающую грудь, она отве-

чала тем же, снимая с него рубашку, брюки, плавки, их руки сталкивались, блуждали по телу друг друга, каждое прикосновение тел вызывало взрыв чувственной дрожи, оба не видели и не слышали ничего, кроме бурного дыхания и биения сердца, потом Егор подхватил Марию на руки и отнес на кушетку...

Отрезвление наступило не скоро, а когда все кончилось, Егор вдруг почувствовал такой обжигающий стыд, что едва не закричал от переполнявших душу чувств.

Мария поняла его состояние, провела пальцем по лбу, и тут же сердце Егора успокоилось, стыд испарился, пришло облегчение и понимание того, что произошло.

– Не казни себя, – шепнула женщина. – Это я виновата. Я знаю, что ты ее любишь, и... я все знаю, что происходит между вами. Я думаю, она простит.

Егор не ответил, пытаясь вспомнить лицо жены и не понимая, почему это не удастся, полегал с закрытыми глазами, потом обнял ведунью... и все повторилось сначала! Только теперь они любили друг друга осознанно, медленно, отделяя каждую ласку от предыдущей и не давая урагану страсти увлечь обоих в быстрое падение и опустошение. Финальный взрыв эмоций получился мучительно сладким, оба получили невыразимое блаженство, умиротворение и радость, будто кто-то огромный, как Вселенная, разрешил им заниматься любовью, не оглядываясь на условности и законы морали, и дал это разрешение, как награду...

И никто к ним в тренерскую комнату не зашел, хотя в спортзале за стеной слышались шлепки по мячу, а дверь комнаты оставалась не запертой на ключ.

В душ пошли вдвоем, так и не сказав больше друг другу ни слова. Лишь приведя себя в порядок, Мария повернулась к одевшемуся раньше Крутову и проговорила серьезно:

– Я не собираюсь отбивать тебя у твоей берегини, полковник, тем более, когда она в таком состоянии, но знай: если она тебя разлюбит, я найду тебя, где бы ты ни был, и уведу!

Крутов слабо улыбнулся, с одной стороны, чувствуя вину перед женой, а с другой – радуясь, что между ним и Марией произошло то, к чему оба стремились давно. Теперь он был уверен, что это должно было случиться и что вряд ли подобное произойдет еще когда-нибудь.

– Ты слишком умна для семейной жизни, Маша. Я тебя долго не выдержу.

– Наверное, даром говорят, что бабий ум – что коромысло: и криво, и зарубисто, и на два конца. Только Лизка твоя не глупее, разве что терпеливее.

– Почему ты не выходишь замуж? Ведь Ираклий умный мужик.

– Была я уже замужем, полковник, опыт имеется, и все больше убеждаюсь, что умные мужья не нужны. Нужны сильные, добрые и любящие. Все мои подруги, повыскакивавшие за умных, кто в разводе, кто брошен, кто живет с мужем по инерции, держась за него в страхе, что останется одна.

– Ты не боишься остаться одна?

Брови Марии сдвинулись.

– Не понимаю твоей иронии, грубиян. Хотя, если честно... побаиваюсь. Мне ведь уже за сорок, это я только выгляжу так... несерьезно.

– Выглядишь ты на восемнадцать.

– Благодарю за комплимент, хотя в них и не нуждаюсь. Не читал нигде мнение алкоголика о женщинах? Молодая девушка для него – ну, прямо как дистиллированная водичка. Та, что постарше, пока ребенка не родила – вино молодое, играет еще. До тридцати пяти – портвейн настоящий: крепость, аромат и в голову ударяет. Тридцать пять – сорок пять – коньяк, да еще и марочный. До пятидесяти пяти – коньяк уже с лимоном, на любителя, так сказать, а потом...

– Лимон без коньяка, – засмеялся Крутов. – Я не пью крепкие напитки. Но готов согласиться на марочный коньяк. Ты не голодна? А то давай сходим в ресторан, поужинаем.

– Есть хочу ужасно! – призналась Мария. – Весь день в дороге. Веди в ресторан, если в твоей Жуковке есть приличное заведение.

– Не хуже, чем в твоём хваленном Новгороде, – передразнил ее Крутов.

Проходя мимо к выходу, он остановился, так как Мария не уступила дороги, покосился на нее, потом обнял. Она прижалась к нему на мгновение, посылая такой мощный *призыв*, что он едва устоял, чувствуя сладкое головокружение, но женщина тут же отодвинулась, как бы давая понять, что Егор все еще в ее власти, и шепнула:

– Больше никогда так не делай...

Крутов усмехнулся, вышел первым, подождал ее и запер дверь тренерской. В кабине машины он спросил:

– Ты сменила духи? Что-то я не помню этот запах.

– Раньше я вообще ими не пользовалась, – ответила Мария. – Вот ты и не помнишь. Теперь же предпочитаю «Диориссимо».

– Ландышем пахнет...

– А ты хотел, чтобы чем пахло?

Егор хмыкнул, вспоминая вычитанное в газетной заметке сообщение о поступлении в продажу в сеть американских магазинов духов «Моi», якобы выпущенных свиньей Мисс Пигги, знаменитым персонажем голливудского мультсериала «Маппет-шоу». Подобные рекламные кампании он считал откровенным проявлением общественной шизофрении, чего хватало и в родном отечестве, однако не в такой степени.

– Чего хмыкаешь? – осведомилась Мария агрессивно. – Духи не нравятся?

Он хотел ответить, что духи «Оревуар», которыми пользовалась Лиза, оригинальнее, но вовремя остановился. Мария наверняка обиделась бы.

Через пять минут они припарковали машину на привокзальной площади, напротив ресторана «Десна», и заняли столик с видом на парк. Ресторан был практически пуст, любителей посещать сие заведение по понедельникам было мало.

Заказали шампанское, салаты, весенние ролики, бараньи ребрышки и грибы – для Марии, и яичницу для Егора. Выпили по глотку шампанского, глядя друг на друга с некоторым удивлением, будто лишь теперь осознав, что произошло между ними. И рассмеялись одновременно, хотя в смехе Крутова слышались виноватые нотки, отзвук робких угрызений совести.

– Как там Ираклий поживает? – спросил он.

– Нормально, – отозвалась Мария, – хотя и не без проблем. Издательство начало приносить прибыль, и на него наехали наши местные бандиты, предлагая «крышу».

– Помощь нужна?

– Справимся сами, спасибо.

– А Панкрата не видела? Он звонил, утверждал, что они неплохо устроились, но особой радости в голосе у него я не слышал.

– Он работает начальником охраны рыбзавода, и у него тоже неприятности. Местное начальство и мафия привыкли к дармовой рыбке, красной икре, а Панкрат перекрыл им все каналы.

– Понятно, ситуация стара, как мир. Они будут давить на него, пока не добьются своего. Вот ведь сволочная жизнь – нигде ему покоя нет!

– И не будет, – покачала головой Мария. – Вы люди боя, и с этим надо смириться.

– Да я давно смирился, плохо, что вместе с нами страдают наши друзья и близкие. Может быть, и в самом деле мы должны идти по жизни в одиночестве?

Между гор и долин
Едет рыцарь, один,
Никого ему в мире не надо.
Он все едет вперед,
Он все песню поет,
Он замыслил найти Эльдorado, —

процитировала Мария.

– Чьи это? – заинтересовался Егор.

– Эдгара По. Ты его не любишь?

– Почему не люблю? Один его «Ворон» стоит того, чтобы считать его гениальным поэтом. Но помню мало. – Егор подумал и прочитал:

Дорогой темной, нелюдимой,
Лишь злыми духами хранимой,
Где некий черный трон стоит,
Где некий Идол, Ночь царит,
Из крайних мест, в недавний миг,
Я дома своего достиг.

– Я поняла. – Мария с любопытством и откровенным удивлением посмотрела на ставшее задумчивым лицо Крутова. – Ты, оказывается, не простой полковник, господин бывший полковник, если помнишь даже такие строки. Мне больше нравится у По его «Мисс Луизе Оливии Хантер»:

Прочь бегу, но знаю:
От себя бегу.
Тщетно заклинаю:
Отпустить слугу.
Как в цепях, тоскую,
Силу колдовскую
Сбросить не могу.

– Великолепные стихи! Но все же я больше люблю Бальмонта и Блока.

– Почему именно Блока?

Егор помолчал.

– Блока любила моя первая жена. Я специально заучивал том за томом, могу цитировать бесконечно.

– Где она теперь? Я имею в виду жену.

– Она... погибла.

Мария прикусила губку, накрыла ладонью руку Егора.

– Извини, я не знала. Прочитай мне что-нибудь из Блока. Но если тебе тяжело вспоминать, то не надо.

Егор хотел отказаться, однако пересилил себя и медленно прочитал:

Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны.
Мы – забытые следы
Чьей-то глубины.

Мария подождала немного, но, видя, что он не собирается продолжать, перевела разговор на другую тему.

– Мы, кажется, забыли тоник или минералку, пить хочу.

Егор заказал напитки, проговорил в продолжение темы:

– А ты знаешь, что кока-кола вначале была зеленого цвета, как наш тархун?

Мария улыбнулась, понимая желание собеседника выглядеть естественным. Егор это заметил, очнулся от воспоминаний, залпом допил шампанское и принялся за салаты.

– Панкрату надо помочь. Один он там с бандитами не справится.

– Он не один, хотя еще не знает об этом. Ему поможет Витязь.

– Не Георгий случайно?

– Нет. Георгий сейчас в Москве.

– А куда девался дед Спиридон? Мне так никто и не сказал. Пропал человек, и никто не волнуется, не ищет.

– Спиридон... ушел, – сказала Мария с заминкой. – И неизвестно, вернется ли.

– Куда он ушел? – не понял Егор.

– Честно говоря, я сама не знаю. Он как бы здесь, на Земле, участвует в работе Предиктора, и в то же время в тех мирах, куда доступ воспрещен не только простым смертным, но и Ходокам, и даже Витязям.

– Жаль, – искренне огорчился Крутов. – Я думал, он останется моим учителем.

– *Проявленный* учитель необязателен, – изогнула бровь Мария. – Если ты *слышишь* подсказку слоя Акаши, свой путь сможешь организовать и без «живого» наставника. Дано это не всем, но ты Витязь, да к тому же еще вооруженный *живой*, и должен понимать, когда это оружие стоит пускать в ход.

Крутов встретил иронично-осуждающий взгляд ведуньи и понял, что она *знает* об его утренней стычке с «экспроприаторами» Бориса Мокшина. Отвел глаза.

– Я стараюсь.

– Плохо стараешься. Между прочим, вы очень похожи с Ираклием: оба сильные, умные, мужественные, но не дальновидные и жесткие, не умеющие отступать. А деятельность Витязя, между прочим, не только и не столько махать мечом во имя справедливости, непрерывно воевать со всем миром, но предугадывать, предвидеть и исправлять ошибки и изломы мировых линий до того, как они произойдут.

– Выиграть бой до его начала... – пробормотал Егор.

– Вот именно. Дед оставил тебе целый пакет правил живы, вот и занимайся, постигай мир через призму древнего мировоззрения.

– Я занимаюсь...

– Всей мощью живы ты еще не овладел, дед дал тебе только основы, остальное ты должен взять сам.

Егор покатал по тарелке маслину, поднял взгляд.

– Ты приехала, чтобы прочитать мне мораль? Или сообщить о новом Замысле?

Мария усмехнулась, поднимая бокал с шампанским.

– Я приехала оценить твою готовность, полковник. Давай выпьем. Как там говорил Панкрат? За успех безнадежного дела.

Егор криво улыбнулся, поднимая свой бокал, они чокнулись, сделали по глотку.

– Ну, и как ты оцениваешь мою готовность?

– На троечку, дорогой Витязь, на троечку. Но ради одного этого я могла бы и не приезжать. Тебе была нужна помощь, поэтому я здесь.

– Я никого не звал...

– Звал, хотя и не вслух.

– Чем ты можешь мне помочь?

Мария открыла сумочку, покопалась в ней и передала Крутову тяжелый кругляш серебряного медальона на цепочке, на котором был выгравирован ромб с вогнутыми сторонами, пронизанный идущими из центра лучами.

– Что это?

– Передай этот оберег Лизавете.

– Что он означает?

– Не беспокойся, я не собираюсь заколдовывать твою жену, чтобы она тебя забыла. Этому священному талисману более трех тысяч лет, его передала Лизке баба Евдокия.

– Берегиня Спиридона...

– К тому же он заговорен волхвами и должен помочь твоей собственной берегине. А теперь давай поговорим о наших общих проблемах, и я поеду.

– Куда? – уставился на женщину Крутов. – Ты уезжаешь? И даже не навестишь... Лизу?

– Зачем? – с улыбкой покачала головой Мария. – Я Ходок, и мое задание требует немедленного выполнения. Мне известно, что в Жуковке построен храм Черного Лотоса. Ты знаешь, где он расположен?

– На берегу Десны, недалеко от жуковского дома отдыха.

Мария внимательно посмотрела в глаза Егора, сказала утвердительно:

– Ты там был.

Крутов нехотя кивнул.

– Сподобился, пришлось побывать, хотя внутрь меня не пустили.

– Возможно, твоим первым заданием по Замыслу будет работа с этим храмом Сатаны. Теперь о другом. Ты случайно не знаешь, где сейчас находится Георгий Мокшин, первый муж Лизы?

Крутова взяла оторопь. Показалось, Мария читает его мысли.

– Он... в деревне, в Ковалях. Приехал отпраздновать день рождения брата... нас пригласил, точнее, Елизавету.

– С ним надо установить контакт.

– Зачем?!

– Об этом с тобой поговорит тот, кто реализует Замысел. Я же только передаю, что мне велено.

– И как долго мне ждать этого... реализатора?

– Недолго. Жди. И постарайся ни с кем не конфликтовать, такие деяния, как правило, не одобряются.

– Кем? – угрюмо набычился Крутов.

– Волхвами. Укладом жизни. Традицией русского пространства. Живой, наконец. Достаточно?

Егор усилием воли задавил растущее в душе раздражение – он не любил, когда говорили недомолвками, намеками, а тем более, когда заставляли делать что-то вопреки его воле, – и поднял бокал.

– За успех безнадежного дела!

Мария встала, обошла столик, нагнулась к нему и поцеловала.

Через полчаса они попрощались, и ведунья, способная свести с ума кого угодно, уехала на вишневой «Ладе», которая, как оказалось, стояла почти рядом с джипом Егора. Мария словно заранее знала, где они будут ужинать, и оставила свою машину неподалеку.

Крутов постоял у ресторана, в задумчивости глядя вслед удаляющимся красным стоп-сигналам, нащупал в кармане пальто медальон и вдруг понял, что не сможет посмотреть в глаза Елизавете.

– Дьявольщина!.. – выругался он занемевшими губами.

Медальон-оберег в сжатой ладони отозвался успокаивающим *теплым* звоном, как бы говоря: не волнуйся, все будет хорошо. Егор глубоко вдохнул прохладный вечерний воздух и зашагал к своей машине, все еще чувствуя на губах прощальный поцелуй Марии.

Нижний Новгород ФЕДОТОВ

Мария уехала, не предупредив, когда вернется в город, и Ираклий познал два периода тоски при расставании с любимой женщиной: первый – в тот же вечер, второй – два дня спустя, когда ему показалось, что она не приедет никогда. Тоска не прошла даже после сеанса лунг-гом, обычно быстро успокаивающего нервы, и он вдруг с пугающей ясностью осознал, что между Марией и Крутовым вполне могли возникнуть какие-то отношения, изменяющие зыбкое равновесие типичного треугольника.

В понедельник вечером Ираклий дошел до такой глубины самоанализа, что чуть не взвыл от расстройства, после чего, торопливо одевшись, вышел из дома подышать свежим воздухом и весной.

Воздух действительно оказался свежим, накрапывал дождик, кое-где еще под стенами домов лежали нерастаявшие грязные пласты снега, но это не мешало всем владельцам собак выгуливать свое драгоценное зверье, лающее, рычащее и гадящее где придется. С недавнего времени, столкнувшись с явлением массового выгула, – на Алтае такое явление распространения не получило, – Ираклий сделал вывод, что все любители собак в прошлой жизни сами были собаками или иными животными. Во всяком случае, объяснить страшную любовь нижегородцев к собакам Федотов ничем иным не мог.

Он пересек двор, вышел на улицу Белинского и побрел по направлению к парку, не особенно задумываясь, куда идет и зачем. Ощущение, что он здесь никому не нужен, усилилось, настроение упало безнадежно, хотелось бросить все и уехать домой, на родину... или в Жуковку, чтобы увидеть Марию, сказать ей: прощай! – и опять же уехать на Алтай.

Ираклий усмехнулся, понимая, что корни его нынешнего нервного состояния растут из ревности, попытался встряхнуться. И в это время сама судьба пришла ему на помощь, посылая для повышения тонуса неплохую разрядку. Только он остановился напротив сверкающей вывески казино «Волга», раздумывая, не завернуть ли туда, посидеть в баре или поиграть в боулинг, как вдруг рядом резко затормозила серая «Лада»-«восьмерка», обдав плащ и брюки Федотова водой из лужи.

Ираклий глянул на свой испорченный плащ, обошел машину, постучал ногтями по тонированному стеклу, приглашая сидящих выйти. Приоткрылась дверца, выглянул крупногабаритный короткостриженный водитель, то ли небритый, то ли отращающий бороду.

– Чего надо?

– Извиниться не хочешь? – поинтересовался Ираклий, переживая приступ гнева, но пока сдерживаясь.

– Чего? – вытаращился владелец «восьмерки». – Оборзел, что ли?

Ни слова не говоря, Ираклий рванул дверцу на себя, открытой ладонью сплющил ухо водителя о его же череп, а затем шелкнул в лоб, отбивая охоту вылезать и выяснять отношения. Однако в кабине «Жигулей» находились еще двое таких же небритых ребят, для которых урок не пошел впрок. Торопясь, они посыпались из машины, клокоча как самовары, крепко сбитые, в джинсовых куртках, с татуировкой на кулаках и на пальцах, что являлось отличительным знаком местной бандитской шпаны, и Ираклий с удовольствием «отметелил» обоих на глазах пораженных охранников казино, не посмевших вмешаться в разборку.

Этот инцидент со шпаной изменил настроение бывшего полковника, но ненадолго. Во-первых, самому стало противно, будто он испачкался в грязи еще раз. Во-вторых, пришлось неприятное ощущение скрытого наблюдения, что заставило Федотова вспомнить о своих непростых отношениях с «Надежными ребятами», предлагающими «защиту и охрану», а также

с финансистами, требующими возврата вклада. Поколебавшись, он в казино все же заходить не стал, побрел назад, к дому, прислушиваясь к своим ощущениям и пытаясь определить, кто и откуда за ним следит. Однако напряжение нарастало, чувствительная сигнальная система организма все настойчивей посылала импульсы тревоги, так что Ираклий в конце концов привел себя в состояние боевой готовности и задумался над вариантом исчезновения, чтобы стряхнуть предполагаемый «хвост». Но опоздал.

Только он собрался перебежать перекресток и нырнуть в арку ближайшего дома, как на перекресток лихо вырулила черная «Волга» и точно такая же «Волга» закупорила въезд в арку, сквозь которую также можно было пройти к дому коротким путем.

Прохожих по причине позднего вечернего времени и дождливой погоды было мало, фонари светили тускло, обстановка благоприятствовала маневру неизвестных лихачей, точно знавших, кто им нужен, и первой мыслью Ираклия была мысль благоразумно смыться с места событий, благо бегал он отлично и знал еще один короткий путь домой. Однако благоразумие улетучилось, когда он узнал в «крутых командос», облаченных в пятнистые куртки, картинно выскакивающих из машин и окружавших его, представителей охранной фирмы «Надежные ребята».

– Весна пришла, орлы прилетели... – пробормотал Ираклий, прикидывая свои возможности.

Если бы эти «орлы» знали, в каком состоянии находится их «клиент», а главное – что он мастер боя, поостереглись бы, наверное, действовать так театрално и нагло, но ребята ни о чем таком не догадывались и продолжали спектакль, уверенные в своем превосходстве и силе.

Вперед вышел высокий молодой человек в блестящей куртке с поднятым воротником. У него были длинные волосы, темные очки (поздним вечером!) и серьга в ухе. Он был одним из тех, кто уже навещал офис Федотова.

– В последний раз спрашиваем, – сказал он, лениво растягивая слова. – Ты подпишешь контракт с фирмой или нет?

– Угадай с трех раз, – усмехнулся Ираклий.

Длинноволосый посланец «Надежных ребят» щелкнул пальцами, и двое плотных парней в таких же куртках двинулись к Федотову, театрално разминая кисти рук.

– Стоп! – вытянул вперед ладонь Ираклий. – Вы хорошо подумали, прежде чем разговаривать со мной в таком тоне?

– Ты чего о себе возомнил? – оскалился длиноволосый. – Тебя же предупреждали, что с нами надо дружить? А теперь придется попортить тебе шкуру. Может, поумнеешь.

– Что ж, я снимаю с себя всю ответственность за вашу безответственность, – вздохнул Ираклий. – Начинайте учебный процесс.

Парни переглянулись, не понимая иронии «клиента», и дружно бросились на Федотова. И он наконец дал волю своему раздражению, плохому настроению и злости.

Описывать эту схватку, похожую больше на показательные выступления мастера восточных боевых искусств, не имеет смысла. «Надежные ребята» лишь выглядели грозными противниками, внушавшими уважение и страх, на самом деле они за редким исключением знали только картинные позы и ката каратеков, применить которые в реальном бою были не в состоянии. Из них только длиноволосый, познания которого тянули на первый-второй дан карате, оказал достойное сопротивление, да и то лишь потому, что был вооружен не только кинжалом, но и пистолетом. Ираклию пришлось станцевать «маятник» и вырубать парня по-серьезному, так как он собирался пустить оружие в ход, увидев, что уступает противнику в рукопашном бою.

Драка закончилась.

Одна «Волга» умчалась, по-видимому, за подмогой. Водитель второй вмешиваться в события не стал, только высунулся из кабины, с опаской глядя на Федотова.

Ираклий оглядел поле боя, на котором лежали неподвижно или едва шевелились шесть человек. Злость прошла. Появилось чувство опустошения и вины, будто он совершил предосудительный поступок, и уверенность, что Мария этот конфликт не одобрила бы. Но она могла предупреждать подобные инциденты, а Федотов не умел и, проанализировав свое поведение, пришел к выводу, что надо в ближайшее время взять у ведуньи несколько уроков, чтобы в будущем научиться не доводить ситуацию до взрыва.

С сожалением оглядев свой испачканный и располосованный клинком плащ, Ираклий поплелся сквозь морозящий дождик по блестящему тротуару, чувствуя всем телом взгляды поверженных «надежных ребят», и среди этих взглядов определил один не злобный, а внимательный, сочувствующий и неодобрительный одновременно. Оглянувшись, но определить в темноте источник этого странного взгляда не смог.

Дома он тщательно вымылся в ванной, очищая кожу мыльной пеной, а душу – самобичеванием и обещаниями исправиться, дошел до кондиции, то есть до состояния полного раскаяния, и судьба снова сжалась над ним, посылая одну за другой две награды.

Первой оказалось известие от Корнеева: раздался телефонный звонок, Ираклий снял трубку и услышал голос бывшего майора:

– Привет, командир. Не спишь? Как дела?

– Как сажа бела, – отозвался обрадованный звонком Ираклий.

– Что так?

– Да, в общем, тоскливо мне, – признался Ираклий. – Мария уехала... в Жуковку, помогать Егору, я один, бешусь, час назад подрался с рэкетирами...

– Это наше нормальное состояние, так что не бесись. Мария приедет, и все станет на свои места.

– Сомневаюсь я...

– А ты не сомневайся. Кончай хандрить и займись общественно-полезным делом, а хочешь – приезжай сюда, место для тебя в нашей системе найдется. Кстати, что ты выяснил о Братстве Черного Лотоса? Я просил тебя недавно.

– Узнал только, что в Нижегородской губернии строится еще один храм, в Арзамасе. В самом Нижнем уже действует один, но я туда не заходил. Вот дождусь Марию, вместе сходим. А что так взволновало твоих церковных начальников? Почему они заинтересовались Братством?

– Во-первых, церковь справедливо боится внешней экспансии неправославных концессий. Во-вторых, нетрадиционные религиозные сообщества способствуют вытеснению православия и замене его так называемыми «демократическими» культами, соответствующими мировоззрению Запада.

– Пусть успокоятся, – хмыкнул Ираклий. – Судя по всему, храмы Черного Лотоса действительно принадлежат системе подготовки рекрутов для Российского легиона, религией здесь не пахнет.

– А вот тут ты не прав, – возразил Корнеев. – Насилие – тоже религия, а ее адепты волнуют церковь не меньше, да и меня заставляют работать не за страх, а за совесть. Узнаешь что еще, звони, будем координировать работу против Братства.

– Да я вроде не собирался воевать с этим Братством.

– Это так кажется. Уверен, к тебе скоро придет Ходок Предиктора и предложит службу. Неужели откажешься?

– Не знаю, – пробормотал Ираклий, – не думал. Если честно, я не особенно страдаю от отсутствия боевых действий, больше – от нехватки финансовых средств на расширение издательского дела.

Корнеев хихикнул.

– Есть такой анекдот. Цыганка гадает мужику по руке: «До сорока пяти лет ты будешь страдать от отсутствия денег». – «А после?» – «А после привыкнешь».

Ираклий знал этот старый анекдот, но рассмеялся.

– Как раз про меня. Хотя, с другой стороны, ты прав, не может быть, чтобы о нас забыли. Я все время жду чего-то такого... каких-то известий, перемен, событий, причем с ощущением, что пружина сжимается, сжимается... Или это просто нервы?

– Ты всегда поражал меня отсутствием волнения в самых напряженных ситуациях, командир, так что нервы здесь ни при чем. Просто тебе надо наконец жениться. Почему ты не сделаешь предложение Марии?

– Не все так просто... – буркнул застигнутый врасплох Ираклий. – Она по Замыслу – берегиня Егора...

– То было давно и неправда. Меняй судьбу, меняй отношение к Марии, меняйся сам, и все будет хоккей. Удачи тебе.

Ираклий посмотрел на трубку в руке, как на вестника неожиданного открытия, положил на аппарат. Корнеев обнаруживал опыт и мудрость, которые Ираклий раньше не замечал, но от этого предложения бывшего майора не становились менее интересными. Думать он умел и дружбой дорожил, что вселяло уверенность и вдохновляло. Сергей готов был прийти на помощь в любой момент, а такое проявление дружеских чувств надо было ценить.

Шел первый час ночи, когда Ираклий, проанализировав разговор с Корнеевым, собрался спать, и в этот момент в прихожей раздался звонок. Душа встрепенулась, отзываясь на чей-то знакомый эмоционально-мысленный зов, и это был второй подарок судьбы за вечер, изменивший состояние Федотова. Открыв дверь, он увидел Марию.

Женщина была в полупрозрачном плаще, мокром от дождя, откинула капюшон, слабо улыбнулась.

– Может быть, ты меняпустишь?

Ираклий опомнился, пропустил гостью в прихожую, помог снять плащ, с дрожью прикасаясь к ее плечам, повернул ее к себе и поцеловал. К его удивлению, она ответила. Ираклия бросило в жар, он начал целовать ей шею, щеки, губы, расстегнул пуговицы на корфточке и остановился, обострившимся чутьем уловив на миг напрягшееся тело.

– Не торопись, полковник, – тихо проговорила Мария. – Я еще... не готова.

– Я убью его! – глухо сказал Ираклий, отступая.

– Кого? – усмехнулась Мария.

– Крутова...

– Прежде придется убить меня. Но лучше бы ты убил в себе свое «эго» и научился ждать. Наверное, я зря пришла. – Она сделала шаг к двери.

Волна крови прихлынула к щекам Федотова. Он взял женщину за руку, опустился перед ней на колени, склонил голову.

– Прости!..

Пауза длилась вечность.

Потом Мария взъерошила ему волосы на затылке, проговорила:

– Боже мой, как же вы похожи!.. Вставай, полковник, вино у тебя есть? Выпить хочется.

Ираклий вскочил, поцеловал ей руку, бросился в гостиную.

– Шампанское, «Поль Массон», правда, не мой – хозяина, бар у него что надо, и куча напитков покрепче.

– Тащи «Поль Массон», – улыбнулась она. – Я умоюсь с дороги, и посидим на кухне, ладно? Я не надолго.

Ираклий открыл бутылку французского вина, похожую больше на маленький графинчик без ручки, налил в рюмки, нарезал сыр ломтиками, лимон, достал конфеты. Подумал и переоделся, чувствуя себя в халате скованно.

Мария вышла из ванной свежая и бодрая, будто смыла с себя не только дорожную пыль, но и усталость. Они устроились на кухне, выпили по глотку вина, женщина пососала ломтик лимона и улыбнулась в ответ на красноречивый взгляд хозяина.

– Я могу есть лимоны килограммами. Кстати, в лимоне больше сахара, чем в клубнике.

– Я знаю, – кивнул Ираклий, – но в клубнике нет лимонной кислоты. Ну, рассказывай, где была, что видела, с кем встречалась.

– Была я в двух местах: в Сергиевом Посаде и в Брянской губернии, встречалась с Крутовым. – В глазах Марии мелькнула тень какого-то воспоминания, они на мгновение стали грустными. – Дала ему оберег-талисман для лечения Лизы. Если не поможет, придется просить волхвов, чтобы они провели обряд крещения.

– Обряд чего?

– «Крес» – по-древнерусски «огонь», обряд очищения огнем.

Ираклий едва сдержал вздох облегчения, обрадованный тем смыслом, который стоял за словами Марии. Гостья заметила это, но не подала виду.

– Егор с тоски влез в местные бандитские разборки, тебе с Панкратом придется к нему наведаться, помочь.

Ираклий смутился, вспомнив, что сам два часа назад затеял выяснение отношений с бандитами из «охранной» фирмы.

– Я готов в любой момент.

– Я скажу, когда будет нужно. Кроме укрощения бандитов в Жуковке, вам надлежит заняться храмом Черного Лотоса. Хотя я, вероятно, превышаю свои полномочия. Об этом вам должен сообщить другой человек.

– Кто?

– Координатор Замысла. В России образована структура, которая призвана бороться с расползанием по стране печати Сатаны, с криминалом, создавая такие условия, в которых темным силам было бы невыгодно, невозможно заниматься своим бизнесом.

– Сопротивление, что ли?

– Сопротивление в том числе, как фактор русского этнического пространства. Структура эта называется Катарсис.

– Очищение...

– Именно так, полковник. Приятно иметь дело с образованным человеком.

Ираклий не обиделся на иронию Марии.

– И как же намерен действовать ваш Катарсис?

– Он уже действует. Тебе все расскажет координатор. Я же могу только дать предварительные пояснения. Так как против нас действует *система*, хорошо подготовленная и разветвленная сеть обработки сознания людей, Катарсис организует свою *систему*, которая будет сражаться не с людьми, а с линиями их намерений.

Ираклий скептически поднял бровь.

– Как это возможно реализовать практически?

– Помнишь рейд наших десантников в Косово, оказавшийся совершенно неожиданным для натовцев? Это пример того, как надо бороться с линиями намерений. НАТО не намеревалось пускать наших миротворцев в Югославию, мы позаботились об этом сами. Остальное узнаешь в свое время. Я ухожу, жди гостя.

Мария встала. Ираклий поднялся тоже, растерянный и злой, проводил ее до двери. Она погладила его пальцами по щеке, улыбнулась с изрядной долей грусти, шагнула за порог, потом вдруг вернулась, поцеловала его и убежала.

Постояв с минуту в ступоре, Ираклий невольно потрогал губы пальцем, покачал головой и закрыл дверь, пытаясь упорядочить сумбур в душе. Когда он вернулся на кухню, там его ждал новый гость, молодой человек, почти юноша, в стареньком джинсовом костюме, с выра-

жением озабоченности и смущения на кротком лице. Глаза юноши сияли небесной голубизной, и смотреть в них было невозможно, как на солнце.

– Прощу простить великодушно за внезапное вторжение, – сказал он, делая поклон. – Я волхв Сергей. Может быть, слышали?

Ираклий зачем-то оглянулся, потом сделал усилие и постарался вести себя естественно. С юным волхвом он не встречался, но в разговорах с Крутовым полугодичной давности мелькало это имя.

– О вас говорил Егор Крутов. Вина хотите?

– Спасибо, я не пью ничего, кроме воды.

Ираклий достал из холодильника бутылку «Святого источника», налил гостю, себе отмерил полчашки тоника и пригласил молодого человека в гостиную. Они сели в кресла, Ираклий погасил свет, включил торшер и выжидательно посмотрел на Сергия.

– Слушаю вас, координатор.

Волхв улыбнулся.

– Вы быстро адаптируетесь, Ираклий Кириллович, это меня радует. Мария подготовила вас к восприятию нужной информации, я же введу вас в курс дела и предложу службу, которой вы достойны.

– Смотря кому служить.

– России, – остался невозмутимым Сергей, – ее народу, ее пространству, ее будущему.

– То есть русским?

Сергий слегка притушил свет своих глаз.

– Наша концепция единения, которой более семи тысяч лет, никогда не противопоставляла русских другим народам Руси. Русские – понятие скорее духовное, нежели этническое, все мы на этом пространстве – русские. А как говорил философ, ваш однофамилец ⁴: «Русский человек всегда бывает либо с Богом, либо против Бога, но никогда без Бога». У вас это не вызывает возражений?

– Не вызывает, – подумав, ответил Ираклий. – Извините, что я вас перебил. Но у меня есть еще вопрос, на который я хотел бы получить прямой ответ, прежде чем мы пойдем дальше. Как вы себе представляете Сатану? Кто или что он такое? И почему поставил целью покорить Россию?

– Это целых три вопроса, – с необидной насмешкой сказал Сергей мягко. – Отвечу по порядку. Во Вселенной есть Разумные Силы разного порядка, светлые и темные, созидания и разрушения, которые внедряются в людей на Земле, вообще в разумных существ, превращая их в инструмент своего влияния. Сатана – одна из таких Сил, которая и превращает человека в дьявола насилия, жестокости, нетерпимости, лжи и стяжательства. И эта Сила отнюдь не отражается формой рогатого монстра с козлиными ногами. Все мифологические твари – суть страхи людские, рожденные больным воображением людей, их расщепленной психикой. Все они живут, пока в них верят. Чем больше людей верит в дьявола, тем мощнее Сила, вызывающая образ и кодирующая людей даже на подсознательном уровне, организующая эгрегор дьявола! Борьба на Земле идет не человека с Сатаной как существом, а человека с человеком. Чем больше влияние Сатаны на человека, тем с большей яростью он уничтожает себе подобных. И процесс этот зашел очень далеко. Печать Сатаны на Земле приобретает уже силу Закона. Допустить этого нельзя.

Сергий замолчал, глотнул минеральной воды, словно давая Федотову время на осмысление сказанного.

– Я понял, – медленно проговорил Ираклий. – Но как мы можем остановить просачивание Сатаны в наши души? Мы же только... люди...

⁴ Георгий Федотов.

Волхв одобрительно кивнул.

– Хороший вопрос, полковник. Спасти нас может лишь основополагающая концепция формирования светлого эгрегора, то есть общности людей, принявших русскую национальную идею, которая заключается в приоритете духовного над материальным.

– А если конкретно?

– Вообще, это отдельный разговор, сегодня я хотел только получить от вас принципиальное согласие войти в структуру Катарсиса.

– Считайте, что вы его получили.

– Вкратце могу раскрыть наши цели...

– Постойте! – перебил молодого волхва Ираклий. – Я не уверен, что в этой квартире нет подслушивающих устройств...

– Не беспокойтесь, полковник, – раздвинул губы в легкой усмешке Сергей, – нас никто не в состоянии подслушать, даже конунг, если вдруг у него появится такое намерение.

– Конунг?

– Мы так называем магов темной стороны. Итак, продолжим. Россия сегодня, образно говоря, проходит через точку бифуркации, иными словами – находится на переломе. В этой ситуации стандартные модели эволюционного развития общества не работают, и мы предлагаем нестандартный выход из положения. Во-первых, мы начали возрождение древнейшей системы национальной самоорганизации и самоуправления – Вече, прообраз нынешней Думы, только в истинном значении этого слова, – для формирования Союза славян, обладающего сверхсознанием.

– То есть славянского эгрегора?

– Отлично, полковник! С вами приятно беседовать.

– Союз России и Белоруссии – результат работы Катарсиса?

– В том числе и Катарсиса. Присоединение некоторых балканских стран к этому Союзу не за горами, а там вернутся в эгрегор и другие отколовшиеся страны, бывшие республики СССР. Достижение обозначенной мной цели возможно разными путями, мы же пойдем путем воздействия на управленческие структуры – от районных библиотек до президентского окружения, очищая эти структуры от влияния черного криминального эгрегора. Ну и наконец, мы добьемся того, чтобы любая криминальная антигосударственная деятельность стала невыгодной, для чего попытаемся возглавить каждый клан отечественной мафии, начиная с правительства, и заставить их работать на государство, на весь русский Род.

– Если только Сатана не опередит нас, – пробормотал Ираклий, восхищенный и одновременно ужаснувшийся глубине проблемы, открывшейся перед ним, – и не уничтожит!

– О, задача сил Сатаны состоит не в истреблении рода человеческого, ибо тогда они потеряют питательную среду, им не на ком будет паразитировать. Нет, Сатана нас не истребит, но и жить свободно не даст! Поэтому мы и должны сотворить Кресово кольцо, кольцо сужения канала, по которому в наш мир просачивается негативная информация Сатаны.

– Чтобы перекрыть ему кислород...

– Именно так, Ираклий Кириллович, чтобы перекрыть ему кислород. А это мы сделать в состоянии. Итак, вы согласны работать в Сопротивлении?

– Вы же говорили – в Катарсисе...

– Сопротивление – часть Катарсиса.

– Чем я буду заниматься конкретно?

– Тем же, чем занимались профессионально на государственной службе.

– Военной контрразведкой?!

– Организация, в которой вам предлагается занять место командира отдела, называется Вечевой службой контрразведки и внутренних расследований.

Ираклий задумчиво глотнул тоника, не решаясь задать собеседнику вопрос, какое место в структуре Катарсиса занимает Мария. Поднял глаза на гостя.

– Что я должен делать?

– Вам позвонят и назначат встречу, ждите. И пожалуйста, прошу вас, – Сергей положил сухую прохладную руку на локоть Федотова, – попытайтесь избежать конфликтов типа того, что у вас возник с «Надежными ребятами». Эту проблему можно и должно решать иначе.

Ираклий смутился.

– Вы... видели, как я с ними?..

Сергей улыбнулся, встал из-за стола, подал руку и исчез. Ираклий остался стоять с ощущением бездны, разверзающейся под ногами, над которой горела одна-единственная яркая звезда. Спасение было в ней, но она была далеко...

Переславль-Залесский ВОРОБЬЕВ

Утром в понедельник Панкрата вызвал к себе Асламов.

– Я в курсе ваших отношений с местной элитой, – сказал директор рыбзавода не то с иронией, не то с насмешкой. – Поэтому меня интересует вопрос, как вы намерены действовать дальше.

«Мы продолжаем то, что мы уже много наделали», – вспомнил Панкрат известный черномырдинский шедевр. Но вслух сказал другое:

– Жду ваших указаний.

Асламов засмеялся.

– Хотите переложить ответственность на мои плечи? Я вам санкции на ссору с органами не давал.

– Я не ссорился, – угрюмо буркнул Панкрат. – Они сами напрашиваются.

Асламов достал из стола большой белый конверт, бросил на стол.

– Почитайте.

Панкрат достал из конверта три листа бумаги, сколотые скрепкой, пробежал глазами текст. В письме высказывалось предположение, что бывший майор Службы внешней разведки П. К. Воробьев «каким-то образом связан с террористами, уничтожившими на озере Селигер важный военный объект». А ниже прослеживалась его история увольнения из рядов спецслужбы и участие в автобанде, грабившей водителей на дорогах Тульской и Брянской губерний.

Подписи на документе не было.

– Что скажете? – поинтересовался Асламов.

– Все правда, – спокойно пожал плечами Панкрат. – Кроме последнего пункта. Я был не членом банды, а командиром отряда, охотившегося на автобандитов. Так что, мне писать заявление об уходе?

Директор вложил письмо в конверт, спрятал в столе.

– Продолжайте работу, Панкрат Кондратович. Посмотрим, какие шаги предпримут ваши недоброжелатели в дальнейшем. В обиду я вас не дам, потому что это и в моих интересах. Но постарайтесь все-таки в конфликты наподобие того, что произошел в зоопарке, не вступать.

Панкрат встретил дружеский, сочувствующий и насмешливый одновременно взгляд директора завода и вышел, размышляя, откуда тому стало известно о схватке в зоопарке. Свидетелей «разговора» Воробьев не заметил.

В своем кабинете он сварил кофе, сделал несколько кругов вокруг стола, вспоминая анонимное письмо. Кому понадобилось его посылать директору, было понятно, и местная рыбная мафия, и представители власти, заинтересованные в его увольнении, в равной степени могли состряпать компромат, однако об участии Воробьева в уничтожении базы Легиона с психотронной лабораторией на Селигере мог знать лишь очень ограниченный круг людей, а именно – уцелевшие ликвидаторы ЛООС. Но им не было нужды угрожать и предупреждать объект, за которым они охотились долгое время. Какой тонкий расчет стоял за письмом, догадаться было невозможно.

После оперативки Панкрат всегда делал обход территории завода. Предупредив секретаршу директора Алю, что «уходит на маршрут», он переоделся в пятнистый комбинезон, натянул сапоги, чтобы не утонуть в грязи, и в это время в кабинет вошел заместитель Воробьева Виктор Телегин, мрачный и озабоченный. Молча положил на стол листок бумаги в клеточку. Панкрат прочитал три строчки – это было заявление об увольнении по собственному желанию – и поднял на заместителя глаза.

Виктор Телегин работал в охране недавно и был ровесником Панкрата: в феврале ему исполнилось тридцать лет. Служил в армии, в составе спецбригады внутренних войск участвовал в войне в Чечне, был ранен и демобилизован, прихрамывал, но боевых кондиций не потерял. Панкрат в спортзале завода тренировал своих охранников и видел, как работает Виктор, прекрасно знавший приемы барса – боевой армейской системы. Напугать его было в принципе невозможно, в учебных поединках он сражался с Воробьевым почти на равных, да и думать умел, за что Панкрат и сделал его заместителем.

– В чем дело? – осведомился Панкрат.

Телегин отвел глаза.

– По семейным обстоятельствам, Кондратыч.

– А точнее?

– Место нашел получше... и платят больше...

– Где в Переславле есть такое место, где платят больше? Не в мафии ли?

Лицо Виктора пошло пятнами, однако на начальника он по-прежнему смотреть не решался.

– Подпиши, Кондратыч. Все равно ведь уйду.

– Садись и рассказывай. Если нужна помощь – помогу, ты меня знаешь. Могу пойти к директору, чтобы повысил зарплату.

– Не надо, – поморщился Телегин, присел у стола, смяв в кулаке черный берет. – Понимаешь, Кондратыч, в пятницу у меня гости были...

– Откуда?

– Из Братства Черного Лотоса. Слышал о таком? Их храм недавно появился в Дендрологическом саду, напротив Федоровского монастыря.

– Буддисты, что ли?

– Вроде того. Монахи все молодые, дюжие, носят медальоны на груди с изображением лотоса. Предложили работать у них инструктором по самообороне.

– Зачем им инструктор по самообороне? – удивился Панкрат.

– Не знаю, – снова отвел глаза Телегин. – Но оклад предложили хороший, не поверишь...

– Почему же, верю. Что тебя смущает?

– Да понимаешь, ко мне трое приходили, а двое из них – вылитые чечены...

– Ну и что? Среди чеченцев тоже встречаются хорошие люди, люди чести.

– Да о чем ты говоришь, Кондратыч? – поморщился Телегин. – Мне ли их не знать?! Они двух моих друзей замучили, пальцы отрезали, яйца... глаза выкололи... Это нация бандитов, воров, террористов, похитителей людей и убийц!

– Ну зачем уж так категорично, – пробормотал Панкрат, ошеломленный горячностью Виктора, – всех под одну гребенку не стоит подгонять... Не хочешь идти в этот храм, не ходи.

– Не хочу... но пойду. У меня пятеро на шее, мама больная, жена не работает... Знаешь, кем я был до того, как ты меня принял на работу? – Виктор махнул рукой. – Зря я тебе все это рассказываю.

– Рассказывай, легче станет. Кем ты работал, говоришь?

– После того, как меня демобилизовали, полгода ногу лечил, потом устроился в милицию. Злой я тогда был: на чечен, на бандитов, на весь мир! В соседнем подъезде кто-то забил насмерть простого работягу ни за что! Шел домой, причем не пьяный, встретили и измордовали. Садистов тех так и не нашли. Вот я и подался в милицию... хотя самого нельзя было выпускать на улицу...

Панкрат подвинул Виктору чашку, налил кофе.

– Глотни, не торопись.

Телегин отхлебнул несколько раз, отодвинул чашку.

– Однажды шпана бузила возле центрального универмага, я сделал замечание, не хотелось связываться, а они вдруг словно взбесились... уколотые были... напали, пришлось защищаться. Их было шестеро, я один, но я остался жив-здоров, а их сделал больными. Прокуратура возбудила уголовное дело за превышение пределов необходимой обороны, а потом, узнав, что я бывший спецназовец, вменила мне и умышленное нанесение тяжких телесных повреждений. Потом я выяснил, что один из парней был сынком высокого милицейского начальника. В общем, не хочу вспоминать подробности, дали мне полтора года исправительных работ. – Виктор замолчал, залпом допил кофе. – Водка у тебя есть?

– Не держу, не пью и тебе не советую.

– Тогда налей минералки.

Панкрат открыл бутылку нарзана.

– Что было дальше?

– Да ничего. Вышел, женился, дети пошли, устроился сторожем на конфетной фабрике, потом ребята посоветовали подойти к тебе. Почему я тебе все это сообщаю, и сам не знаю. Поплакать, видно, захотелось в жилетку. Хороший ты мужик, Кондратыч, правильный, таких сейчас мало... не поминай лихом. – Телегин встал, протянул руку. – Бывай.

– Если надумаешь вернуться, приходи, – сказал Панкрат, – приму обратно всегда. Звони, если что.

– Спасибо.

Телегин ушел.

Настроение Воробьева упало, уход Виктора лишил его надежной опоры и поддержки, теперь надо было снова подбирать кандидатуру на его место и взваливать на свои плечи дополнительную нагрузку.

После обхода территории завода Панкрат отдал несколько распоряжений по замене проволочного забора у пирса, проверил состояние двух катеров, на которых несли службу охранники со стороны Плещеева озера, и сделал массу полезных дел, в том числе разобрался с помощью техников в аппаратуре, которую они устанавливали в дежурной комнате охраны. Аппаратура позволяла контролировать цех по упаковке красной и черной икры, что сразу резко снижало воровскую деятельность работников завода, привыкших к ежедневным порциям деликатесного лакомства.

В два часа дня Панкрат забрал Настю из школы, отвез домой, пообедал с бабой Улей и снова поехал на озеро, обдумывая идею, возникшую у него при осмотре причалов завода. Катеров охранникам не хватало, а рыбу крали тоннами, причем прямо из трюмов сейнеров и рыболовецких шхун, зачастую остающихся у причалов на ночь, поэтому для контроля приемной части завода требовалась система освещения и сигнализации. Конечно, такая система стоила дорого, зато и отдача в будущем перекрывала предварительные затраты.

В шесть часов вечера Панкрат закрыл свой кабинет, решил было зайти к директору, доложить о своих планах и размышлениях по поводу усиления охранных мероприятий, но, поколебавшись, передумал. Попрощался с охранниками на проходной, сел в машину, обратив внимание на чей-то белый «Форд-Мондео», стоявший неподалеку. Интуиция подсказывала, что «Форд» напротив завода остановился не зря. И точно, стоило Воробьеву сесть в кабину своего джипа, как из «Форда» вылезли двое мужчин, один молодой, крепкий, с подбритыми висками, второй постарше, в хорошем темно-синем костюме, при галстукке, седоватый, с узкими, плотно сжатыми губами. На безымянном пальце левой руки джентльмена красовался перстень из ртутно блестящего металла с черным камешком. Ободок вокруг камня делал его похожим на птичий глаз.

Оба двинулись к джипу Панкрата, молодой махнул рукой, и Воробьев приспустил боковое стекло, готовый в случае необходимости отреагировать на действия незнакомцев должным образом.

– Добрый вечер, господин Воробьев, – раздвинул узкие губы в неприятной «лягушачьей» улыбке мужчина с перстнем. – Поговорить надо. Разрешите, мы к вам подсядем?

– О чем говорить? – неприязненно спросил Панкрат.

– У нас к вам деловое предложение.

– Подсаживаться ко мне необязательно, выкладывайте свое предложение.

Гости переглянулись. Старший перестал улыбаться, в глазах младшего мигнули колющие огоньки, но оба остались спокойными, и Панкрат почувствовал, насколько они уверены в себе и опасны. Глянул на «Форд», внутри которого сидели еще двое пассажиров. Номера машина имела не переславльские.

– Вообще-то разговаривать так неудобно, – сказал узкогубый обладатель перстня, – но мы вас понимаем. Я представляю службу криминального контроля МВД России – СТОКК. Нам очень понравилось, как вы поставили дело по охране рыбзавода, поэтому мы предлагаем вам работать с нами. Зарплата, естественно, у вас будет на порядок выше, чем у начальника охраны, плюс грант на обустройство, плюс премиальные, плюс известная свобода действий.

– Спасибо, – покривил губы Панкрат, вспоминая свою неудачную попытку устроиться в Комиссии по координации оперативно-розыскной работы, – я и так свободен, а денег мне хватает.

– И все же вы подумайте. – Узкогубый достал из кармана визитку, протянул Воробьеву. – Позвоните по этому телефону, если надумаете.

Вербовщики неведомой службы СТОКК вернулись к своей машине, «Форд» укатил. Проводив его взглядом, Панкрат повертел в руках белую карточку с золотой полоской поперек, буквами СТОКК, выдавленным птичьим глазом в одном уголке визитки и лотосом в другом, хотел выбросить, но передумал. Он вдруг понял, что его смущало: птичий глаз на визитке напоминал больше объектив телекамеры. Возможно, и перстень с черным камнем на пальце визитера также был миниатюрной телекамерой.

В задумчивости Панкрат тронул машину с места, повернул вдоль завода направо, хотя домой надо было ехать прямо, по Плещеевской и Найденова; дом, где жили Воробьевы с бабой Улей, стоял на улице Кузнецова. Очнулся он возле Сорокосвятской церкви, за которой располагалось старое кладбище; людей здесь давно не хоронили. Остановил машину, глядя на серые и черные стволы деревьев, на ветки, уже набухавшие почками, и вдруг в просветы между деревьями увидел каких-то людей, возившихся среди крестов и могил. Сначала подумал, что это монахи чистят кладбище от мусора после зимы, потом сообразил, что четверо мужчин занимаются вовсе не уборкой территории старого погоста. В поте лица они срубали зубилами бронзовые таблички с памятников и плит.

Первым побуждением Панкрата было разогнать мародеров и как следует проучить, чтобы в следующий раз неповадно было вести заготовку цветных металлов столь варварским способом. Потом вспомнилось напутствие Асламова избегать подобных конфликтов, и Панкрат развернул машину, намереваясь ехать обратно. Однако, не проехав и полусотни метров, затормозил. Душевный призыв остановить вандалов был столь велик, что о последствиях нового инцидента уже не думалось.

В ограде кладбища отыскался пролом, через который Воробьев и проник на его территорию. Не слышно ступая по слежавшейся листве, приблизился к самозабвенно работающим «заготовителям», негромко окликнул:

– Эй, граждане ворюги!

Его тихий голос произвел эффект разорвавшейся бомбы.

Мужчины – двое пожилых и двое помоложе, одетые в ватники и сапоги, побросали свой инструмент и отпрянули от исковерканных гранитных плит и надгробий. Затем, увидев, что напугавший их парень один, двинулись к нему, подбирая молотки и ломы.

– Лучше бы вы добровольно пошли в милицию и все рассказали, – покачал головой Панкрат, не вынимая рук из карманов куртки.

Его уверенный спокойный тон подействовал на мародеров. Они в нерешительности остановились, начали переглядываться, не понимая, почему их противник так спокоен. Больше всего их смущали засунутые в карманы руки Панкрата, которые, по их умозаключениям, вполне могли держать оружие.

– У него пушка, наверно... – пробормотал один из них.

– Да нету у него ничего, – буркнул второй с сомнением, – на понт берет, гад.

– А ты проверь, – посоветовал Панкрат, оттопыривая пальцем карман таким образом, чтобы казалось, будто там действительно спрятан пистолет.

Мужики потеряли желание сопротивляться, начали отступать, бросая косые взгляды по сторонам.

– Стоять! – приказал Панкрат. – Я ведь не шутил насчет милиции. Сейчас вы скажете свои имена, фамилии, адреса, пообещаете пойти в органы, чистосердечно рассказать о своем хобби, и я вас отпущу.

– Ты что, земля? – опешил самый старший из четверки. – Нам же по три года светит за это дело!

– А когда вы сюда шли, о чем думали? Одни идиоты крадут провода с высоковольтных линий электропередачи, другие курочат памятники... Фамилии!

– Да я его щас успокою, и ничего он мне не сделает! – бросился на Панкрата самый молодой «коллекционер» бронзы и отлетел назад от мощного удара ногой, врезался спиной в гранитную плиту, затих.

Грабители замерли.

– Фамилии, адреса, – ровным голосом повторил Панкрат.

– Степашин... Андрей Семенович, – хмуро проговорил старший. – Я в Борисоглебской слободе живу, дом пятнадцать.

– Ты? – перевел взгляд Воробьев на его соседа.

– Чубаров Петр, – буркнул тот. – Рядом с ним живу, дом одиннадцать.

– Селезнев Шура, – торопливо добавил третий. – Я не тутошний, из Беклемишева...

– А этого смельчака как зовут?

– Марбек, фамилию не знаем, из переселенцев они.

– Чья идея – собирать цветной лом на кладбище?

– Его, Марбека...

– Мало я ему дал. Забирайте инструмент и мотайте отсюда. Еще раз попадетесь – век не забудете!

– А как же... в милицию?

Панкрат посмотрел на серое изможденное лицо старшего «старателя», усмехнулся.

– Я сегодня добрый, отпускаю. Завтра придете и восстановите здесь все, как было. Понятно?

Мужики обрадованно закивали головами.

– Сделаем в лучшем виде...

– Не сумлевайтесь...

– А кто ты все ж таки будешь? – не удержался от вопроса Степашин. – Вроде как и не мент.

– Спецслужба по охране памятников старины, – веско сказал Панкрат.

– Ага... ну, мы тады пошли...

Мужики быстро засобирались, привели в чувство подельника и прыснули в кусты, направляясь к озеру. Видимо, там у них были привязаны лодки.

– Чтобы завтра было все как прежде, – бросил им вдогонку Панкрат. – Я проверю.

Постояв с минуту у раскученной плиты, он посчитал обезображенные надгробия – мародеры успели срубить таблички на шести могилах – и двинулся к машине, ощущая спиной чей-то внимательный взгляд. Ощущение взгляда сопровождало его и раньше, еще когда он только собирался пройти на кладбище, теперь же оно стало более острым, хотя спрятаться наблюдателю здесь было особенно негде, несмотря на сгущавшиеся сумерки. А когда Панкрат вышел к джипу, ему сразу стала понятна причина его ощущений.

Неподалеку от «Судзуки» стоял новенький фиолетовый «Ламборгини», похожий на дикий летательный аппарат, возле которого неторопливо прохаживался... директор рыбзавода «Анчоус» Валентин Асламов собственной персоной!

– Добрый вечер, Панкрат Кондратович, – сказал он естественным тоном, будто встретил своего подчиненного в коридоре заводоуправления, а не у кладбища. – Что это вас потянуло в столь мрачные места?

– Да и вы, гляжу, тоже любитель... – парировал Панкрат, с любопытством разглядывая машину шефа, в кабине которой никого не было. Асламов приехал один, без телохранителя.

Видимо, мысль Воробьева как-то отразилась на его лице, потому что директор улыбнулся и сказал:

– Я редко беру с собой телохранителей. Об этом я и хотел с вами поговорить. Пройдемся?

Панкрат вспомнил об инциденте с мародерами, качнул головой.

– Давайте лучше посидим в кабине вашего монстра, если не возражаете. Я такую штуковину вижу вблизи впервые.

Асламов блеснул умными цепкими глазами.

– Бойтесь, что я увижу ваших крестников?

Панкрат понял, что директор *знает* или видел его стычку с грабителями могил.

– Кстати, почему вы их отпустили? – продолжал Асламов, залезая в кабину «Ламборгини» со стороны пассажира.

Панкрат сел на место водителя, и тотчас же приборная панель машины осветилась, сам собой завелся двигатель, над шкалой спидометра загорелось табло: «Готов к работе». Включился подогрев сидений: снаружи становилось холодно, и компьютер машины заботился о комфорте седоков.

– Классный сервис! Сколько же этот аппарат стоит?

– Мне его подарили, – отозвался Асламов. – Дорогая машина. Вы не ответили на вопрос, Панкрат Кондратович.

– Мужик умен, да мир дурак, – вспомнил пословицу Воробьев. – Эти бедолаги, похоже, дошли до последней степени нищеты. Цветной лом – их последняя надежда заработать копейку.

– Но не таким же варварским путем!

– Разумеется, – буркнул Панкрат, жалея, что связался с грабителями, и в то же время не считая себя виноватым.

– Вам не кажется, что вы обманули закон? – продолжал допытываться Асламов. – Я понимаю, люди действительно доведены до отчаяния, их права не защищены, постоянно попираются бандитами и чиновниками, однако преступление ведь остается преступлением, и за него надо отвечать.

– Тогда надо начинать наказывать сверху, а то у нас права человека определяются по рангу. На первом месте депутаты – их священное право за казенный счет получать квартиры и ездить по Европам. На втором – так называемые правозащитники, их право – за казенный же счет защищать убийц и подонков. На третьем месте сами убийцы, имеющие священное право на жизнь. А дальше толпой идут остальные граждане, такие, как отпущенные мной мужички. У них тоже есть право – покорно ждать, пока о них побеспокоится государство. – Панкрат подумал. – Или киллер.

Асламов некоторое время изучал профиль собеседника задумчивым взглядом, затем проговорил доброжелательно:

– Знаете, Панкрат Кондратович, вы мне определенно нравитесь. Несмотря на то, что в досье, которое у меня имеется, полно компромата на вас. Оказывается, вы очень и очень решительный и опасный человек.

– Если меня не трогать, я ангел, – пробормотал Панкрат, испытывая неприятное чувство незащищенности. – Откуда у вас на меня досье?

– Это неважно. Из него, несмотря на вашу прошлую деятельность, я сделал вывод, что вы человек чести. Да и ваше поведение указывает на это. Вы мне подходите.

Панкрат внимательно посмотрел в светло-серые глаза Асламова, но не увидел в них ни насмешки, ни шутиливой искры.

– Что вы имеете в виду?

– Я предлагаю вам другую работу.

Панкрат подумал.

– Я так понимаю, мои недруги нашли наконец способ убрать меня с дороги.

– Со стороны это будет выглядеть именно так, хотя ваша система будет работать, как и прежде, но дело совершенно в другом. В ваших услугах заинтересована одна необычная антикриминальная организация, цель которой – изменить существующий порядок вещей.

– Сопротивление, что ли?

Асламов рассмеялся.

– Вот видите, как мы быстро нашли общий язык. Сопротивление – лишь часть организации, называющейся Катарсис, у нее свои задачи и способы их решения.

– Что такое Катарсис? Партия? Движение?

– Можно, в принципе, назвать Катарсис и партией, скажем, партией высшей этики, в практическом же плане это Вечевая служба Рода России. У нас будет время поговорить о ее целях и задачах, сейчас я хотел бы услышать ваш ответ.

Панкрат вспомнил о встрече у проходной завода.

– Меня сегодня вербуют уже второй раз.

– Вот как? Кто же был первым, если не секрет?

– Вам знакома аббревиатура СТОКК?

Взгляд Асламова стал жестким.

– Вам предложили работать в Службе контроля? Забавно... Кем?

– До конкретных предложений не дошло. Я отказался, они всучили мне визитку и ука-
тили.

– Интересно девки пляшут... – Асламов задумался, но тут же встрепенулся. – Хотя это не отменяет моего предложения. Вы согласны?

– Что я должен буду делать? Предупреждаю: ничего, что связано с охотой за людьми, с погонями и стрельбой...

– Успокойтесь, майор, – хмыкнул директор завода. – Катарсис вообще не приемлет методы насилия, а тем более – убийство человека. Применение силы допустимо лишь в крайнем случае – при защите жизни.

– Тогда я согласен. Хотя... – Панкрат в сомнении почесал кончик носа. – Честно говоря, я не понимаю, как можно обойтись без насилия или применения силы при встрече с бандитами.

– Такие встречи необходимо прогнозировать и исключать. Но и об этом мы поговорим в другой раз. Вам же предлагается войти в структуру восьмого отдела Катарсиса: службу охраны VIP и секретных подразделений. А для начала поработаете моим личным телохранителем.

Панкрат помолчал, прикидывая, как новое назначение отразится на укладе жизни. Сказал со вздохом:

– Но видит бог, моя стезя – беречь других, а не себя... Стихи мои. Согласен, Валентин Юрьевич. Но почему вы предложили эту работу именно мне?

– По рекомендации. Помните, вы беседовали с Погребко? У него есть интересное суждение: классный охранник видит все впереди, с боков и сзади охраняемого лица, а супер – еще и что покупает красивая блондинка в киоске напротив. Вы – из таких.

– Спасибо, – смешался Воробьев. – Я был о себе несколько иного мнения.

– Сегодня отдыхайте, завтра с утра ко мне.

Асламов подал ему руку, вылез из машины

Панкрат бросил взгляд на живую игру огней на панели «Ламборгини», вылез тоже. Директор рыбзавода сел на его место, вскинул вверх сжатый кулак.

– Удачи!

– Подождите, Валентин Юрьевич, – остановил его Панкрат. – Всего один вопрос... Кто вы? Ну, или – кто вы в системе Катарсиса?

– Всего лишь Витязь, – прищурился Асламов. – Я только выгляжу молодо, на самом деле мне за сорок. Всего доброго, майор.

«Ламборгини» почти бесшумно тронулся с места, уехал.

Панкрат, опустив голову, сел в свою машину, включил двигатель и двинулся следом. Вспомнил вдруг Егора Крутова: тот тоже был Витязем. Захотелось встретиться с ним, поговорить, обсудить предложение. Но вместе с этой мыслью пришло облегчение: его не забыли, просто наблюдали и оценивали, прежде чем предложить работу в Катарсисе. Неизвестным остался лишь благодетель, который рекомендовал его Асламову.

Что ж, посмотрим, сказал сам себе Воробьев, что это за штука такая – Катарсис. Очищение...

Москва СТОКК

Официально Винсент Аркадьевич Валягин занимал пост заместителя Генпрокурора. О его второй должности – куратора Службы тотального криминального контроля, организованной из подразделений и отделов спецслужб: ФСБ, МВД, ГРУ, СВР, – знал уже гораздо более узкий круг лиц. О том же, что Валягин является директором проекта «великой» Пси-Пирамидальной Революции, разработанного покойным директором Проекта Бессарабом, и вовсе знали всего несколько человек в России. В том числе – Архип Иванович Мережковский, бывший психоаналитик ККОРР – Федеральной комиссии по координации оперативно-розыскной работы. Комиссия была давно распущена указом президента, а ее помещения заняла недавно организованная Служба контроля, СТОКК. Мережковский стал ее начальником. Одновременно он заведовал кафедрой разведсистем в Академии национальной безопасности, созданной еще в двухтысячном году, что давало исполнителям Проекта возможность быть в курсе всех новейших научно-технических разработок в столь специфичной области, как безопасность страны, а также иметь доступ к информации о кадрах в силовых структурах, обучавшихся в академии.

Однако и Мережковский не ведал, что, кроме всего прочего, Винсент Валягин представляет собой редкий тип человека – ретранслятора чужой энергии, воли, информации. Точнее, человек-гора, костюмы и белье на которого шили по специальному заказу, был ретранслятором сил Сатаны, как и Юрий Бессараб в свое время, о чем, естественно, не догадывался и сам, считая себя вершителем не только собственной судьбы, но и судеб других людей, и вообще судеб мира.

Утром пятнадцатого апреля они встретились в кабинете Валягина в здании Генпрокуратуры на Большой Дмитровке. По причине тучности, огромной массы – весил Винсент Аркадьевич около ста семидесяти килограммов – и малой подвижности он редко покидал рабочий кабинет и передвигался по столице лишь в случае крайней нужды. Если, конечно, дело касалось служебных обязанностей. В то же время он легко срывался с места и мчался в нужном направлении, если надо было решать проблемы Проекта или отдохнуть в казино, ресторане или в сауне. Правда, в отличие от сгоревших на «саун-компромате» таких высокопоставленных чиновников, как министр юстиции Ковалев, бывший Генеральный прокурор Скуратов и депутат Госдумы Илющенко, Валягин в сауне сексом с девочками не занимался. Для этого существовали две дачи под Москвой, в Горках-9 и в Барвихе, куда эпикуреец Винсент Аркадьевич наведывался регулярно каждую неделю. Но о том, чем он там занимается, знали только два человека из близкого окружения Директора Проекта: начальник его личной охраны Роман Пискунчик и личный поставщик «девического материала» Лев Данильский, бывший майор спецподразделения «Витязь», имевший связи в соответствующих структурах.

Валягин работал на компьютере, когда в кабинет вошел Мережковский. Архип Иванович отпустил усы, бороду и теперь ходил на учителя истории столичного колледжа. Хозяин кабинета кивнул ему на кресла в уголке отдыха, не отрывая взгляда от экрана. Архип Иванович выслушал в наушнике радики бесплотный шепот электронного сторожа: «А-уровень. Защита обеспечена» – и сел в одно из низких кожаных кресел в зоне отдыха, отгороженной от остального пространства кабинета стеной декоративного кустарника.

Через минуту Винсент Аркадьевич закончил диалог с компьютером и вышел из-за стола.

– Что будешь пить? – спросил он довольно жидким голосом, не вязавшимся с его огромным телом.

– Кофе, – отозвался Мережковский.

– А я выпью водки. Не хочешь попробовать экзотики? Мне из Польши привезли «Змиёвку», настоящую на натуральной гадюке.

– Спасибо, не надо.

– Есть и наша, отечественная, «Охотничья», настояна на имбире, калгане, корне дягиля и анисовом зерне.

– Я не любитель крепких напитков, – улыбнулся Архип Иванович, завидуя способности Валягина пить в любое время суток в любых количествах и не пьянеть при этом.

– Как знаешь.

Винсент Аркадьевич принес открытую бутылку польской «Змиёвки», стаканчик, сел в кресло, специально подогнанное под его фигуру, налил и выпил. Бледное широкое лицо его порозовело.

– Класс! Зря отказался. Кофе сейчас принесут. Вечером совещание, не забыл?

– Потому и решил посоветоваться заранее.

Открылась дверь кабинета, помощник Валягина вкатил столик с кофейным прибором и тут же бесшумно исчез. Мережковский насыпал в чашку сахару, добавил сливок, отхлебнул.

– Класс! Не хуже вашей водки.

Они посмотрели друг на друга, два человека из «черной сотни», реализующей в стране Программу Сатаны и не догадывающейся об этом.

– О чем ты хотел со мной посоветоваться?

– Вы слышали о происшествии с сыном Чумакова?

– Конечно, – кивнул Валягин. – А что тебя беспокоит?

Чумаков был ректором Академии национальной безопасности и одновременно заместителем начальника СТОКК, то есть подчиненным Мережковского. Происшествие, упомянутое Архипом Ивановичем, состояло в следующем.

Сын Чумакова Константин оказался замешанным в скандальном деле о вымогательстве, которое московский РУОП завел на двух ингушей – Евлоева и Сызырова, вымогавших деньги у руководителей торговой фирмы «Кондор». Когда вымогателей взяли, причем дело дошло до погони и стрельбы, в их машине были обнаружены, кроме револьверов и гранат, годовая доверенность на машину, принадлежащую Константину, и спецталон «без права проверки», выданный ГИБДД. Этой же машиной пользовался и Чумаков-старший, зачастую предпочитая ее служебной, и таким образом выходило, что на ней ездили и бандиты, и генерал ФСБ, ректор Академии безопасности, в которой обучались будущие борцы с преступностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.